

Арие Бен Цель

ОЧЕНЬ УЗКИЙ МОСТ

*Весь мир -
очень узкий
мост,
но главное -
не бояться...*

*рабби Нахман
из Брацлава*

Арие Бен-Цель
Очень узкий мост

«Книга-Сэфер»

2014

Бен-Цель А.

Очень узкий мост / А. Бен-Цель — «Книга-Сэфер», 2014

«Мы занимаемся советским еврейством, – промолвил хозяин кабинета. – Как ты смотришь на такое поле деятельности?– То, что сейчас происходит в Восточном блоке вообще, и в Советском Союзе в частности, имеет самое прямое отношение к репатриации евреев в Израиль. Это может стать самым существенным историческим событием в жизни людей моего поколения. Я считал бы за честь иметь к этому прямое отношение, – ответил Кфир не задумываясь». Жизнь героя романа во многом отражает биографию автора. Репатриация из СССР в юности, служба в армии, смена работ и сфер деятельности, затем – учеба в США, успешный бизнес... Но были в его биографии несколько лет на рубеже 90-х, когда судьба или случай подарили ему возможность окунуться в гущу событий, происходящих на изломе СССР. Украина, Приднестровье, Грузия... Одесса, Тирасполь, Тбилиси, Баку, Ереван... Те, кому сейчас за 40, помнят, какой тревогой веяло от этих слов, произносимых с экранов телевизоров. Работа, которой он занимался, – помощь в репатриации, а иногда и в бегстве людей, «имеющих право на репатриацию»... И спустя годы он написал об этом роман. В котором сказал о многом, но, пока еще, не обо всем...

© Бен-Цель А., 2014

© Книга-Сэфер, 2014

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Часть вторая	48
Глава 1	48
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53



Ариэ Бен-Цель
Очень узкий мост

*Роман основан на реальных событиях.
Все возможные совпадения персонажей романа с реальными
людьми случайны.*

Автор выражает благодарность своим помощницам Ане, Кате и Марине.

Особая благодарность – за моральную поддержку – своей сестре Софии.

*Был я солдатом и был дипломатом,
Не стал генералом и не был послом,
Видимо, не подошёл по форматам,
Хочется думать, что не был ослом.*

Малоизвестный философ

От автора

В жизни всех людей бывают особенные моменты. Если в данный момент вы читаете эти строки, значит, вы держите в руках эту книгу, а это значит, что это один из особых моментов моей жизни.

Динамика событий в этой книге может невольно привести к аналогичному ритму чтения. Я бы посоветовал не спешить. Всматривайтесь, вслушивайтесь и вчитывайтесь. Может быть, вам удастся увидеть силуэты того, что не попало в галерею героя этой книги.

Гарантирую, что читая не спеша, вы получите больше удовольствия.

Приятного чтения.

Часть первая Украина



Глава 1 Кфиру повезло

Кфиру повезло еще задолго до его рождения, когда счастливый случай, а точнее случаи, сохранили его родителей во время войны.

У его отца, прошедшего Большое и Малое Рижское гетто, лагерь Лента, а затем и концлагерь Штутхоф, было много шансов не пройти всего этого. У Кфира, знавшего отца лишь до 11 лет, был большой шанс не узнать о его злоключениях, если бы не случай.

Воспоминания, связанные с отцом, можно было сравнить с кроссвордом, решенным лишь частично. Рошман – капитан СС, садист и убийца; «Лента» – лагерь принудительных работ, филиал Рижского гетто; футбольные матчи – немцы в кованных сапогах против босых

евреев; Сервич – лейтенант СС, загадочный спасатель; Антошка – поляк-пожарник; торговля продуктами в гетто в обмен на драгоценности... Эти картины и образы людей, застывшие в детском воображении (все это – по обрывкам информации, полученной от отца и знакомых), оставались для Кфира загадочными.

Неудивительно, что детские воспоминания так беспорядочны. Отдельные эпизоды представлялись очень четко, но между ними не всегда была связь, да и хронологический порядок, по-видимому, не всегда был правилен. Все, что Кфир знал, он услышал много лет назад в основном из уст друзей отца, которые к тому же плохо говорили по-русски, и только в зрелом возрасте он начал осознавать, как мало ему известно. Тогда же, в 60-е годы, история, о которой идет речь, казалась ребенку ясной и понятной.

Отец скончался много лет назад. Известные факты со временем смешались и побледнели. Постепенно история отца стала представляться в виде нерешенного кроссворда.

Нельзя сказать, чтобы это особенно беспокоило Кфира. Он вообще об этом как-то всерьез не задумывался. По крайней мере – до того дня, когда одно неожиданное событие вдруг помогло заполнить некоторые оставшиеся свободными клеточки «кроссворда».

...Дело было в 1978 году. Днем он работал в магазине электротоваров в Герцлии, а по вечерам учился на бухгалтерских курсах.

Однажды хозяин магазина послал Кфира на завод «Кристалл» за двумя стиральными машинами.

– Обратись к Хаиму, он зав. складом, – сказал хозяин и уже вдогонку добавил, – можешь, кстати, говорить с ним по-русски.

Добравшись до завода, Кфир разыскал Хаима. Это был высокий, крепкого сложения мужчина лет 55-ти. Говорили на иврите, пока он не спросил Кфира, откуда он родом. Когда Кфир сказал, что из Риги, Хаим спросил его фамилию.

Произнесенное им «Бен Гай», произвело на Хаима магический эффект. Такой эффект имя отца Кфира производило много лет назад в Риге, где он был глубоко почитаемым человеком. Кфир уже успел позабыть о такой реакции и с удивлением вспомнил о ней, лишь глядя на Хаима. Перешли на русский, и Хаим начал рассказывать.

– Я помню тебя на похоронах твоего отца. Помню женщину с мальчиком на скамейке на еврейском кладбище «Шмерли»...

Кфир перебил, сказав Хаиму, что с ними была и девочка, сестра, но Хаим сказал, что помнит только мальчика.

– Твой отец был настоящий мужчина, – сказал он. – Мы были вместе в гетто. И глядя куда-то сквозь Кфира, он стал вспоминать, заполняя пустующие клеточки «кроссворда».

...В Рижском гетто, как и во многих других, существовала контрабандная сеть, через которую гетто снабжалось кое-каким продовольствием. Был ли отец Кфира простым покупателем или принадлежал к тем, кто действовал в этой сети – не ясно. Но при обыске у него были найдены продукты, и эсэсовцы решили, что через него смогут обнаружить всю сеть. Было известно, что поляки, работавшие в гетто, проносят туда еду и продают ее евреям за драгоценности. Нужно было «уточнить», кто именно проносил еду.

Всех поляков выстроили в ряд, вдоль которого медленно провели отца. Нетрудно себе представить, что ощущал стоящий в строю Антошка, когда отец приближался к нему...

Кфир помнил высокого, худощавого, лысеющего блондина в форме пожарного, которого они с отцом не раз встречали, гуляя по послевоенным улицам Риги. Между ним и отцом всегда происходила короткая дружеская беседа, озаренная каким-то особым теплом. Кфир хоть и был маленьким мальчиком, но чувствовал, что он был не из «наших», то есть – гои. Отец как-то пояснил, что Антошка, так звали пожарного, во время войны помогал евреям в гетто доставать еду.

...Отец прошел вдоль всего ряда и сказал сопровождавшему его эсэсовцу, что человека давшего ему еду в строю нет. Такой ответ, разумеется, не удовлетворил гитлеровцев – отца увели на допрос. Проводил его лично комендант Рижского гетто капитан СС Рошман. Тот самый, который фигурирует в книге Фредерика Форсайта «Досье “ОДЕССА”»¹.

О некоторых деталях допроса Кфир знал еще до встречи с Хаимом. Например, о том, что после ударов нагайкой по голым пяткам, отца заставляли прыгать со стула на пол. «Тебя словно пронзает тысяча иголок», – как-то сказал отец. Когда это не помогло вырвать признание, Рошман схватил тяжелую деревянную лампу и с размаху ударил ею отца по голове. После чего, как нетрудно догадаться, продолжать допрос было делом бессмысленным. Рошман махнул рукой и приказал кончать с арестантом. Эсэсовцы потащили отца наружу.

В это время рядом с ними остановился лейтенант СС Сервич, проезжавший мимо на мотоцикле. Сервич командовал заключенными лагеря принудительных работ «Лента», который находился около Риги. Он был известен среди евреев фразой: «Моих евреев не трогать».

Возможно, что и на этот раз он сказал то же самое, но очевидцы помнили другую фразу, спасшую отца жизнь. «Он мне еще пригодится», – произнес Сервич.

Этот загадочный человек спас жизнь многим евреям. В детстве Кфир часто слышал разговоры о нем. Но никто толком не мог объяснить, почему он помогал обреченным узникам гетто и лагеря. По некоторым слухам, Сервич был евреем. 23 февраля 1987 года в израильской газете «Едиот Ахронот» была опубликована статья «Суровый командир концентрационного лагеря был... евреем», в которой эти слухи как будто подтверждались. Автор статьи Ноах Клигер рассказывал о судебном процессе над Сервичем, который проходил в 50-х годах. На суде выяснилось, что он родился в бедной еврейской семье в Шауляе. Родители отдали его на воспитание немцу, который вскоре увез мальчика в Германию...

...Хаим закончил свой рассказ лаконичной фразой: «Твой отец не раскрыл рта». Интересно, что Кфир ни разу не встречал Хаима среди многочисленных друзей и знакомых отца. И после этой случайной встречи на заводе тоже больше ни разу не встречался с ним, хотя жили они в одном городе.

Тот допрос не прошел для отца бесследно. Кфир с сестрой знали, что если он спит на правом боку, то можно шуметь совершенно безнаказанно – после удара деревянной лампой по голове отец потерял слух на левое ухо. Допрос оставил еще одну память о себе – грубый шов на голове, сделанный без наркоза врачом-евреем в гетто.

Случай сыграл свою роль и в маминной истории.

...22 июля 41-го года рано утром началась бомбардировка Киева. Детская кроватка сдвинулась с места от взрывной волны. В дверь постучала соседка, и мама услышала, как она сказала бабушке: «Софья Зиновьевна, война началась...»

О том, что в последующие дни происходило в Киеве, неоднократно описывалось историками и писателями. Бабушка Кфира, будучи натурой скромной и деликатной, со свойственной ей нерешительностью была близка к тому, чтобы остаться в городе. Если бы не ее кузина, честь и слава этой женщине, которая в буквальном смысле взяла на себя руководство семьей, не избежать бы его матери «Бабьего Яра»².

...Немцы вошли в город 19 сентября, в день рождения его мамы, что воистину символично. С пешей колонной беженцев, с самодельными рюкзаками, сделанными той самой кузиной, за несколько дней до этого вышли они из города. А впереди были товарные вагоны,

¹ Фредерик Форсайт, «Досье “ОДЕССА”» – роман английского писателя о противостоянии журналиста и нелегальной организации ODESSA, созданной после окончания Второй мировой войны избежавшими правосудия членами СС. Экранизирован в 1974 году.

² Бабий Яр – овраг на окраине Киева, где 29–30 сентября 1941 года нацисты убили около 34 тыс. евреев.

шедшие на восток, бомбежки, вокзалы, различные населенные пункты и города, Полтава, Харьков...

В Харькове остановились у родственников, которые тоже собирались эвакуироваться. Оттуда уже уезжали, кто как мог. Родственница-харьковчанка обещала бабушке места в составе эвакуированного госпиталя, в котором она работала, однако в последнюю минуту начальник госпиталя отказал. Так мама с бабушкой Кфира практически застряли в городе. Соседи-украинцы успокаивали: «Не бойтесь. Что будет с нами, то будет и с вами...» Сегодня это звучит более чем сомнительно, а тогда в это, наверное, просто хотелось верить...

За считанные часы до сдачи города по какой-то причине бабушка с мамой были на привокзальной площади. Трудно представить, что там происходило. Быть может, это была очередная тщетная попытка вырваться из сужающегося огненного кольца. Ожидался последний эшелон. «Соня?! Что ты здесь делаешь?» – неожиданно прозвучал до боли знакомый голос из совсем другой жизни. На фоне разношерстной, испуганной, голодной и усталой толпы стоял офицер со своими солдатами. Это был сводный брат бабушки, Изя. Увидев его, бабушка схватилась за голову. Не будем испытывать терпение читателя деталями. Вкратце, Изя, как настоящий офицер, распорядился быстро и четко. Бабушку он отправил домой, маму повел за руку к коменданту города. При виде офицера со свитой все расступались.

Разговор с комендантом города был коротким. Сходу представившись, Изя сказал ему, что случайно встретил сестру с племянницей. Без лишних разговоров комендант выписал два пропуска на последний эшелон.

Эшелон отправлялся на следующее утро, когда вокруг рвались бомбы, а в небе шли воздушные бои. Эшелон уходил под прикрытием авиации. Затем были Урал и Сибирь. Голод и холод. Изю больше не встречали. По слухам, его расстреляли «свои», вроде бы за что-то лишнее, сказанное не вовремя.

Родители Кфира познакомились в Сибири, куда отец приехал искать брата, единственного, оставшегося в живых после войны. Перед самой войной он в качестве не то врага народа, не то ненадежного элемента, был выслан из «освобожденной братской республики» в Нарым. Таково было предисловие появления нашего героя на свет.

Кфир помнил себя с двухлетнего возраста. Это были отдельные эпизоды семейного путешествия на Кавказ. Однако особый след в его детской памяти оставили другие события.

В 1960-м году их навещил дядя отца из США. В то время всех американских туристов, посещавших СССР, по-видимому, можно было сосчитать на пальцах одной руки. Только перед отъездом в Израиль, через 9 лет, Кфир узнал, что дядя Эмиль привез в Ригу книгу Леона Юриса «Эксокус»³, вышедшую в Штатах не многим более года до этого и естественно запрещенную в Союзе. Эту книгу переводили в подпольных условиях, по частям. Она стала одним из катализаторов борьбы советского еврейства. Вполне вероятно, что дядя Эмиль не был единственным туристом, которого как бы невзначай попросили о так называемом «небольшом одолжении». Однако не возникает сомнений в том, что те, кто просили, представились как сотрудники Израильского Министерства иностранных дел. В далеком будущем Кфиру предстояло с ними весьма близкое знакомство.

Смерть отца в 1966 году оставила в душе ребенка глубокий след на всю жизнь. Через год после этого мать взяла Кфира с сестрой летом в Крым. Кфиру запомнилась их молодая попутчица по купе, подсевшая на какой-то станции. Эта общительная учительница от скуки предложила Кфиру погадать на картах. Он четко запомнил, как она говорила, что после этого

³ Леон Юрис, «Эксокус» («Исход», 1958) – роман, в котором воссоздается исторический период, предшествовавший провозглашению государства Израиль, и события Войны за независимость. Книга переведена на многие языки, принесла ее автору мировую известность.

путешествия, после того как они получают письмо от одного очень доброго дяди, его ждет другое, гораздо более дальнее путешествие.

Все сознательное детство Кфира проходило на фоне постоянного открытого антисемитизма в школе, ежедневных драк и нередких избиений, не раз провоцируемых учителями, с легкой руки которых Кфиру не позволялось быть лучшим в классе.

Детство кончилось с репатриацией в Израиль, ставшей возможной благодаря стараниям того же дяди Эмиля.

Глава 2

Вкратце о прошлом

Кфир с детства мечтал о приключениях. Виной тому было пристрастие к литературе и богатое воображение. Его героями были Айвенго, Д'Артаньян, Шерлок Холмс... Однако лишь после четырнадцати Кфир начал задумываться над тем, откуда берется столько материала, чтобы изложение приключений героев было так интересно. Было件нятно, что в каждом герое на самом деле не один человек, а несколько, и количество приключений на каждого из них формирует собирательный образ. Тем не менее, он ждал. Он ждал в надежде получить свою долю приключений. Ожидание было долгим и скучным. Спасала литература, которая еще больше разжигала азарт искателя приключений – теоретика. Все это на фоне плохой учебы в школе, слабого знания языка (издержки репатриации в Израиль) и тяжелого материального положения дома. Однако развивающиеся интеллект и тело наполняли его энергией в ожидании будущего.

Зная, что по окончании школы предстоит армия, он очень надеялся, что там будни будут более яркими. Получилось так, что в конце курса молодого бойца вспыхнула война Судного Дня. У Кфира было чувство, что он опоздал. Может быть, ему просто повезло. Он избежал этой кровавой бойни, так как недоученным солдатам не доверили ничего более достойного, чем упаковка и загрузка боеприпасов на аэродромах в тылу. Было как-то стыдно.

В дальнейшем ему все же удалось понюхать пороху, когда после окончания курсов в школе разведки, он попал на «крайний север», где все еще работала артиллерия, авиация и велись локальные боевые действия, хотя временная граница разделения сил вроде бы соблюдалась.

По-видимому, армия и была частью того, что более или менее должно соответствовать доле приключений «нормального» мужчины. Кфир прослужил три года «от звонка до звонка». Служба проходила в одной из элитных частей, однако в основном была скучна. Конечно, за три года время от времени были и очень яркие моменты, но их было мало, и случались они редко, как и должно быть в нормальной жизни.

Однако когда он сидел на бортовой скамье «Геркулеса»⁴ в плотном ряду солдат, держа руки на резервном парашюте, его взгляд задержался на взволнованном лице парня, сидящего напротив. Вся атмосфера, царящая в самолете, экипировка солдат, каски, нервные взгляды однополчан, – все это создавало особое, высокое напряжение.

«Такое можно увидеть только в кино. Запомни это», – сказал ему внутренний голос, взвешенный и спокойный, перед тем как загорелась красная лампочка.

Это был один из первых набросков, которым в дальнейшем, через годы предстояло пройти путь от импрессионизма к реализму с небольшим налетом маньеризма.

С тех пор он не раз воспроизводил в памяти картины тех немногих, но ярких моментов и острых ощущений, так волновавших его.

После армии начался путь, полный неумелых и наивных попыток «продвинуться в жизни». Были попытки получить высшее образование, профессию. Он менял места работы, на которых обычно особенно не задерживался. Однако самым навязчивым, болезненным было желание зарабатывать больше, чем мама. Это была не конкуренция, а подсознательное желание дать ей почувствовать какую-то уверенность в сыне, опереться на его мужское плечо. У него долго ничего не выходило. Не помогал и интенсивный график работы в нескольких местах одновременно. Со скромной гордостью он переносил гнетущую бедность.

⁴ «Геркулес» – военно-транспортный самолет, используемый также для доставки десанта.

Все же через три года лед тронулся. Кфир попал на программу, по которой набирали инструкторов-вожатых в детские еврейские летние лагеря в Северной Америке. Попал не сразу, как и полагается. За год до этого не прошел последний этап. Судя по всему, и на этот раз его ждала бы та же участь, но кто-то сломал ногу, и Кфир занял его место. Он хорошо запомнил тот звонок в пятницу, голос секретарши, которая, убедившись, что это он, спросила, хочет ли он ехать в Канаду. Это был шок! Однако он еще не представлял, какие горизонты перед ним открывались. Это было началом огромного приключения, благодаря которому он не только увидел Канаду и более двадцати штатов США. Благодаря этому на следующий год он вновь попал на ту же программу, уже без конкурса. По окончании работы Кфир остался в США, поступил и окончил хороший университет, получил прекрасное образование и престижную профессию.

Да, казалось, что, несмотря на все трудности, он вроде бы наверстывал упущенное. Кто-то из сверстников уже успел уйти далеко вперед. Конечно, у многих из них были преимущества. Он чувствовал, что, не сдавшись в университете, вышел из своей глухой стагнации. Об этом периоде, конечно, есть что рассказать, но это другая история.

Итак, получив в рекордный срок две академические степени, Кфир вернулся домой после четырехлетнего отсутствия. Он был полон энергии и надежд, однако, увы, месяцами не мог найти работу. Было ясно, что это очередной зигзаг судьбы, но от этого не становилось легче. После столь яркого успеха в университете, при наличии шести дипломов, он с трудом, после нескольких месяцев поисков получил кое-какую работу с мизерной зарплатой. Однако он относился к найденной работе как к маленькому трамплину, с надеждой на будущее. Работа в телефонной компании дала кое-какой опыт общения с коллегами и начальством, а также первую строку в рабочей биографии. Со временем он самым наглым образом, в рабочее время, начал искать что-нибудь получше.

Среда в телефонной компании была очень нездоровая. Профсоюзы практически высасывали из компании всю кровь, а Кфир по неопытности имел глупость наступить им на ногу. Через два месяца после начала работы, когда он только начал осознавать, что к чему, его призвали в резерв, и он провел месяц в Ливане. По возвращении начальница вызвала его к себе и заявила, что за 6 месяцев она не видит от него никаких результатов и дает ему месяц для поисков другой работы.

Кфир был в шоке. Первая работа, после такого успеха в университете! Такие надежды, и вдруг... Он резко изменил свое поведение. Стал менее вежливым и тактичным, более нахальным. По-видимому, его новый наигранный имидж был здесь уместен.

По истечении месяца его вновь вызвала начальница. Она сказала, что он может забыть об их предыдущем разговоре. Однако было уже поздно. Кфир сказал, что нашел другую работу. Интересно, что в его деятельности ничего не изменилось, кроме поведения, которое стало более «восточным», что ему претило.

Итак, Кфир перешел в фирму, которая производила различные химические препараты, как для сельского хозяйства, так и для домашних нужд, на должность помощника контролера, отвечающего за компьютеризацию.

Интересно, что его предыдущие работодатели в течение нескольких месяцев пытались вернуть его на старое место. Ему это льстило, хотя и незаслуженно. Он так и не понял, какова была роль отдела, в котором он работал в телефонной компании.

Отношения с новым шефом складывались непросто. Новый начальник был умным и способным человеком, опытным аудитором, однако у него не было второй степени, и, по-видимому, это ему мешало.

На новом месте Кфир проработал полтора года. В это время его дядя, а точнее двоюродный брат отца – Джек, предложил ему работу в своем бизнесе.

После демобилизации он уже проработал у Джека около года, но ушел из-за отсутствия перспективы. Пришлось хорошо подумать перед тем, как согласиться. Уезжать опять в Эйлат, а бизнес был в Эйлате, не хотелось. Однако пока ничего особенного в Тель-Авиве ему не светило. Дядя обещал прогрессивно растущую долю от дохода. Это было интересно. С профессиональной точки зрения, это, конечно, было не то, на что все так надеялись, учась в университете. Однако Джек сказал, что если Кфир к нему перейдет, то они расширят бизнес, а если нет, то ему придется сократиться. Кфир согласился.

К тому времени у дяди было три магазина, два в гостиницах, а один в торговом центре. Несмотря на попытки хоть как-нибудь использовать знания, почти все время ему приходилось стоять у кассы в разных магазинах. Тем не менее, он пытался установить какую-то видимость финансового контроля.

Он проработал у дяди пять лет. Как ни странно, получилось так, что вопреки ожиданиям они не расширились, а в какой-то мере сократились. Дело в том, что в маленьких гостиничных магазинах, к сожалению, постоянно воровали. Кфир пришел к этому выводу, месяцами наблюдая за результатами торговли. Дядя очень серьезно относился к этим выводам. Поэтому, когда представилась возможность расширить большой магазин, маленькие были закрыты.

Работа с дядей сблизила их, а уровень обоюдного доверия поднялся до максимального. Наверное, если бы не война в Персидском заливе в 90-м году, Кфиру было бы суждено постепенно выкупить у дяди его бизнес, как тот ему не раз на это намекал.

Все, однако, произошло иначе, и судьба сделала свой очередной непредвиденный резкий поворот. Война, а точнее ожидание начала военных действий, связанное с ультиматумом правительства США Ираку, полностью остановило поток туристов в Израиль вообще, а в Эйлат в частности. Прямые чартерные рейсы из Европы были прекращены. В городе, который имел право на существование лишь благодаря туризму, было практически пусто. Пришлось уволить всех семерых работников. Это было очень неприятно, но им просто нечем было платить. Кфир с дядей работали, меняя друг друга, и лишь иногда жена дяди немного им помогала.

К тому времени Кфир уже несколько лет жил в своей квартире, за которую ежемесячно выплачивал банку ипотеку. Казалось, что быт, пусть монотонный и далеко не стимулирующий, все же налаживался. А тут вдруг такое дело. Они с дядей не брали из магазина ни копейки. Срок получения пособия по безработице ограничен, чего нельзя сказать об ипотечной ссуде. Пришлось опять искать работу.

Глава 3

Вещие сны

Еще в детстве, Кфиру запомнился сон, приснившийся ему за пару лет до смерти отца. Во сне он увидел детали, которые через несколько лет с удивлением увидел наяву, когда отец умер.

С тех пор ему еще несколько раз виделись сны, воплощение которых приходилось наблюдать в будущем. Так, например, перед выпускным экзаменом по аналитической химии, он достаточно четко видел во сне женщину принимавшую экзамен, которую раньше никогда не встречал.

Уже после армии как-то ему приснилась свора собак, одна из которых его укусила. На следующий вечер приснившаяся картина воплотилась с удивительной точностью.

Однако самый длинный и детально четкий сон, которому суждено было воплотиться, приснился ему перед второй поездкой на работу в Канадские летние лагеря. Ему приснилось, что закончив работу в лагере, он так и не получил адрес шурина в США, который должен был начать там учебу в университете. Сестра с детьми к этому времени уже должна была к нему присоединиться, и Кфир надеялся по окончании работы их навестить. Ему снилось, как он приезжает в Штаты без адреса и с удивительной уверенностью начинает малоперспективный поиск. Наяву были такие элементы как телефонный звонок с длительными ожиданиями и переключениями; помощь незнакомого человека; долгая езда на попутной машине; длинная дорога пешком; здание кампуса со светлым коридором; дверь со стеклом, через которую он разглядел мужа сестры... Все это он видел во сне несколько месяцев назад. Произошедшее было настолько впечатляющим, что он записал процесс поиска со всеми деталями в тот же вечер у себя в дневнике.

Еще один сон, оказавшийся вещим, приснился Кфиру, когда он сомневался, переезжать ли ему в Эйлат на работу к дяде или нет. Ему приснилось, что он переехал, но что вроде бы через некоторое время за ним приехал лимузин, дверь которого открыл ему элегантно одетый шофер. Затем было плавание по воде...

Еще в школе, а затем и во время службы в армии, в отпусках, а также после демобилизации, Кфир довольно серьезно занимался восточными единоборствами. Встретив одного из лучших учеников своего тренера в Эйлате, с которым когда-то тренировался в одной группе, и, узнав, что тот открывает свой клуб, он сразу же стал одним из его первых членов. Тренировки вносили разнообразие в слишком размеренный ритм жизни и какое-то дополнительное общение.

Как-то перед самым началом войны в Персидском заливе, у Кфира во время тренировки порвалась связка правого колена, после чего он провел несколько дней в больнице. К счастью, обошлось без операции, но гипс и костыли были при нем в течение более полутора месяцев.

Вот так и получилось, что после обращения по объявлению, скупому говорящему, что на государственную службу требуются лица с высшим образованием, знающие русский язык, Кфира пригласили на собеседование, куда он пришел в гипсе и на костылях. Естественно его сопровождала мама, так как это было в Тель-Авиве. Война должна была вот-вот начаться, и все должны были носить с собой противогазы. Кфир бодро ковылял на костылях, а мама несла сумку с противогазами.

По-видимому, он произвел хорошее впечатление на первом собеседовании, так как после небольшого перерыва последовало собеседование еще кое с кем. В результате нужно было вернуться на следующий день для сдачи экзаменов. Пришли опять в том же составе. Экзамены продолжались более двенадцати часов с небольшим перерывом. Все это время мать преданно ждала его в коридоре.

На следующий день, а точнее уже ночью началось война. Проснулись от двух мощных взрывов с последующей сиреной. Два первых Скада⁵ упали в промзоне Холона, совсем близко от них. Это была первая сирена и ночь в противостоянии. Через некоторое время Кфир вернулся в Эйлат, и хорошее ощущение после экзамена постепенно начало уступать место заботам и напряжению, связанным с обстрелами. Обстрелы Скадами продолжались около месяца. Когда все начало успокаиваться, Кфир подумал, что пора бы уже узнать, что там с экзаменом. Прошло еще некоторое время, пока он не выдержал и позвонил. Секретарь ответила, что проверит и перезвонит в течение дня. Как ни странно, она действительно перезвонила в тот же день. В очень вежливой форме секретарь сообщила, что организация, которая приглашала на собеседование и последующий экзамен, вскоре пригласит его на дополнительное собеседование. В общем, было дано понять, что первые два этапа пройдены благополучно. Интересно, что пока он не имел понятия, с кем имел дело. Никто ничего на эту тему не сказал, а Кфир, контролируя свое любопытство, никого об этом не спрашивал.

Прошло еще некоторое время, пока ему действительно позвонили и пригласили на собеседование, но на сей раз уже по другому адресу. Ему сказали, что расходы на транспорт, связанные с приездом, будут возмещены, и дали понять, что в случае с жителем Эйлата не играет роли, будет то автобус или самолет. Кфир естественно выбрал последнее.

В назначенный день в 6:55 утра он пришел по указанному адресу в одном из центральных районов Тель-Авива. Охранник сообщил о нем кому-то по телефону, и буквально через минуту перед ним предстала интересная молоденькая девушка в военной форме, которая сказала, улыбаясь, что проведет его в кабинет, где будет проходить собеседование. Проходя по небольшому, мало ухоженному дворику, Кфир отметил про себя приятное и необычное уединение этого учреждения в старом здании в центре большого города.

Оставив Кфира дожидаться в несколько мрачной приемной, его сопровождающая зашла в кабинет. По речи и звукам, доносившимся оттуда, было понятно, что хозяин кабинета едва успел туда пойти. Оттуда доносился мужской голос с легким акцентом идиша:

– Из Эйлата, в 7 утра, и уже здесь. Этот парень очень рано встает! Давай его сюда.

Кабинет, в который провели Кфира, тоже был мрачноват, а его скромное убранство подтверждало уже начавшее создаваться впечатление, что эта государственная организация не была избалована избыточным бюджетом.

Лысоватый мужчина невысокого роста лет 50-ти приветливо, по-своему поздоровался, указав на стул. Кфир заметил любопытно-пронизывающий взгляд хозяина кабинета. Умные маленькие глаза как бы сверлили Кфира в то время, когда он говорил нечто ничего не значащее. Это продолжалось считанные секунды, пока в кабинете не появился уже знакомый со второго собеседования высокий седой мужчина. Улыбнувшись как старому знакомому, он занял второй стул у стола и утвердительно кивнул хозяину кабинета.

Начались вопросы, в основном, в отношении прошлого. О жизни в Риге, репатриации, школе, армии, жизни в Америке и университете. Затем речь пошла о настоящем. О работе, профессии, быте и даже о женщинах.

Несмотря на некоторую напряженность, Кфир держался достаточно непринужденно, пытаясь отвечать интересно и не без юмора. За какие-то полчаса атмосфера в кабинете приобрела характер приятной беседы трех мужчин, получавших от нее заметное удовольствие. Как бы прочитав эти мысли, хозяин кабинета, который, как показалось Кфиру, был более высокого ранга, прекратил разговор, вновь став сверлить Кфира глазами среди возникшей тишины.

– А как у тебя с русским? – неожиданно спросил он.

– Нормально, – ответил Кфир, как и прежде на иврите.

– Но ты ведь уже давно в стране?! – продолжил тот.

⁵ Скад (SS-1 Scud-A) – советская жидкостная одноступенчатая баллистическая ракета.

– Да, но часто говорю по-русски и много читаю.

На этом этапе хозяин кабинета на достаточно сносном, но несколько местечковом русском задал какой-то вопрос с тем, чтобы убедиться, так ли это на самом деле. Он остановил Кфира уже в середине первого предложения. Было ясно, что уровень его русского оказался вполне убедительным. Затем, удобно расслабившись в своем кресле, как бы реализуя все возможные ресурсы для очередного сверления, он вновь пронзил Кфира взглядом. Было ясно, что это переход к следующему этапу.

– Мы занимаемся советским еврейством, – промолвил хозяин кабинета. – Как ты смотришь на такое поле деятельности?

– То, что сейчас происходит в Восточном блоке вообще, и в Советском Союзе в частности, имеет самое прямое отношение к репатриации евреев в Израиль. Это может стать самым существенным историческим событием в жизни людей моего поколения. Я считал бы за честь иметь к этому прямое отношение, – ответил Кфир не задумываясь.

Сверлящие глаза посветлели на долю секунды и как бы приобрели другое выражение. Хозяин кабинета, все еще не отрывая взгляда, бросил седому: «Представь его главному». Седой самодовольно кивнул, как бы говоря: «Это моя находка...»

Встреча с главным произошла минут через пятнадцать после того, как седой позвонил из приемной по нескольким телефонам. Кфир понял, что он пытается втиснуть еще одно собеседование в чей-то очень насыщенный график. Исходя из того, что собеседование должно было быть с «главным», а тот очень спешил, было件нятно, что эта формальность, по-видимому, является данью уважения высшему руководству.

Главный встретил Кфира очень приветливо. Судя по всему, он действительно очень спешил. На ходу завязывая галстук, он упомянул, что собирается на встречу с главой правительства. Это был высокий и крепкий пожилой человек с добрыми, живыми глазами. Он задал Кфиру несколько вопросов. Внимательно выслушав ответы, он подошел к шкафу и вынул оттуда пиджак. Надевая его, он сказал седому, чтобы тот занялся программой адаптации. Кфир понял, что его приняли, однако все еще не понял куда.

Когда они вышли в мрачный коридор из светлого кабинета главного, седой поздравил Кфира, пожав ему руку, и попросил вернуться на следующий день к восьми утра.

Глава 4

Прибытие в Москву

Кфир считал, что его подготовка проходила не самым организованным образом. Ощущалась неопытность новых работодателей в этой недавно открывшейся для них области – Советском Союзе, доживавшем свои последние дни. В основном, обучение проходило индивидуальным образом, однако, несмотря на захватывающие темы, Кфиру не хватало привычного академического уровня. За короткий срок обучения ему привили некоторые навыки, и наступил момент, когда ему сообщили о его готовности.

Кфир был очень польщен, когда в начале подготовки узнал, что попал в отдел МИДа, занимающийся советским еврейством. Тем не менее, ему пояснили, что из-за отсутствия нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом, количество официальных дипломатов, представляющих свои страны, ограничено. В связи с этим ему предстояло официально представлять Фонд Культуры и Просвещения Израиля в Диаспоре. Другими словами, он должен был обрести статус неофициального культурного атташе. Было два варианта: Одесса и Минск. Кфир предпочитал Одессу. Руководство сомневалось. Как стало известно позже, коллега из Минска, попавший на работу за три месяца до Кфира, настаивал на том, чтобы его перевели в Одессу. Все знали, что за несколько месяцев в Минске он преуспел. Одесса считалась сложным местом, что увеличивало его шансы. В определенный момент Кфир заявил, что готов ехать в Одессу, а в Минск не поедет. Он сам себя удивил таким ходом, а руководство это заявление повергло в шоковое молчание. На сдержанный вопрос, почему, он ответил, что после успеха коллеги в Минске, любой успех останется его успехом. Любая же неудача будет только неудачей Кфира. То есть, поехав в Минск, он заранее ставит себя в проигрышную ситуацию. Аргумент оказался достаточно веским. Так Кфир выиграл Одессу.

Последний этап советской эпохи окончательно парализовал страну в стадии агонии.

Все было готово к отъезду – кроме визы, которую не могли получить около двух месяцев. Кфир был в каком-то подвешенном состоянии и даже подумывал вернуться в Эйлат, как вдруг его паспорт пришел откуда-то из Европы. В нем красовалась долгожданная виза. Через несколько дней он улетел в Москву. Перед отъездом его куратор вручила ему пачку визитных карточек, на которых аккуратным шрифтом было написано:

Бен-Гай Кфир
Израильский Фонд Культуры и Просвещения
Одесса

В аэропорту он встретил своего коллегу из Минска. Они летели вместе. Присутствие коллеги оказалось очень полезным как в московском аэропорту, где все, мягко говоря, отличалось от западных аэропортов, так и на следующий день в Москве, куда они прилетели глубокой ночью. Их встречали сотрудники посольства, с которыми Кфир не был знаком. Потом они долго ехали по неосвещенным дорогам, а затем и улицам уже в центре. У Кфира не проходила навязчивая мысль, что он опять в резерве где-то в южном Ливане, где по ночам в те годы не было освещения, а дороги были не то разрушены, не то разбомблены. Так их трясло до самой гостиницы.

Номера они получили сразу же и договорились на следующее утро вместе поехать в посольство. Коллега Кфира великолепно ориентировался в городе и метро. После завтрака они без проблем добрались до посольства, перед которым стояла огромная очередь желающих репатрироваться. Картина напоминала бегство. Да, это был 91-й год.

В посольстве Кфира познакомили с новыми коллегами. С некоторыми он успел познакомиться раньше, еще в Тель-Авиве. Во время беседы с начальником группы он понял, что его коллега Нахман считал сражение за Одессу еще не совсем проигранным. Кфиру было сказано, что Нахман будет его курировать.

В Москве Кфир провел несколько замечательных дней. Несмотря на различные встречи и небольшие поездки по работе, у него оставалось время погулять по городу, в котором он не был 22 года. Впечатления были не из легких и не всегда поддавались определению. Однако напрашивался нелестный вывод о том, к чему приводит нацию смесь ксенофобии и шовинизма, разбавленных алкоголизмом. Получалось нечто вроде «ксенонинзма», а к чему он привел, было четко видно.

До отъезда в Израиль в 69-м году семья Кфира бывала в Москве каждый год. Дед по маминой линии жил в Опалихе, в 20-ти минутах от центра по Рижской дороге. У него был чудный двухэтажный дом на большой территории с садом и огородом, у самого леса. Очень часто Кфир с сестрой проводили там летние каникулы. Погуляв по Красной площади, Кремлю, Александровскому саду и т. д., он решил, что в один из своих ближайших приездов, уже несколько освоившись, поедет в Опалиху, чтобы разыскать дом деда.

Через пару дней Нахман уехал в Минск. Они договорились, что он приедет в Одессу после Кфира.

Отъезд в Одессу был через день или два, и он еще успел побывать в театре «Современник», куда его пригласила жена начальника. Смотрели «Кот домашний, средней пушистости» с Валентином Гафтом. Кфир был в восторге.

Глава 5 Одесса

Дорога в Одессу с Киевского вокзала лежала через Киев и занимала 24 часа. Детские впечатления от железнодорожных переездов значительно омрачились современными реалиями. Однако можно сказать, что поездка прошла нормально, никто Кфира не беспокоил.

В Одессе его встречали один из местных активистов, ставший впоследствии одним из основных помощников, и не кто иной, как Нахман, которому так не терпелось в Одессу. Кфир не стал напоминать об их договоренности и спрашивать о причине ее нарушения, она и так была ясна. Было понятно, что кроме еще неясного рабочего фронта, у него уже открылся фронт с тыла.

Одесса летом 1991-го года была серым, грязным и неухоженным городом с разваливающимися домами и разрушенными тротуарами. Однако, несмотря на этот фон, все же четко вырисовывалась уникальная архитектура классической части города, его цветущие деревья и бульвары, неувядающие одесситки, а также яркий одесский темперамент. Дух города не пропал, несмотря на экономический и политический крах страны.

Нахман на правах хозяина в первые дни организовал ряд полезных знакомств. Он познакомил Кфира с Артом – представителем богатой международной организации. Нахман успел подружиться с Артом в свои предыдущие визиты и останавливался у него дома. Кфиру же была снята квартира в двух шагах от Дюка. Квартира была так себе, но ее местонахождение оправдывало почти все ее недостатки, – например, отсутствие холодной воды летом и горячей зимой. Квартира принадлежала тому самому Жану, встречавшему Кфира на вокзале.

Кфир познакомился с главными членами общины, членами координационного совета, в который входили также представители иностранных организаций. Среди них был уже упомянутый Арт, Шай, который претендовал на роль представителя Израиля и поэтому встретил Кфира достаточно агрессивно, а также городской раввин Саша, с которым они впоследствии очень подружились.

Нахман вскоре уехал к себе в Минск, а Кфир остался на попечении Жана, который водил его первое время везде как слепого. Человек с умными, пронизательными глазами из Тель-Авива был прав, когда говорил, что Кфира может повергнуть в шок то, что он увидит. У него действительно заняло какое-то время акклиматизироваться в этой чужой и достаточно дикой среде. Было такое чувство, что все, что он видит, не совсем до конца осознается, а мутновато и достаточно медленно протекает мимо. Шай, человек опытный и отлично ощущающий среду, сразу же почувствовал эту некоторую оторванность Кфира, и без всякого стеснения начал распространять о нем всякие нелестные слухи.

Первые две основные цели Кфира заключались в организации Центра Израильского Фонда Культуры и Просвещения в Диаспоре, который Кфир про себя называл «Культурным Государственным Бюро», а также создании склада соответствующей литературы для дальнейшего ее распространения в странах СНГ.

С центром было сложнее, так как подходящих свободных помещений не было, а если и были, то ответственные за них не спешили их сдавать, так как советские традиции были еще очень глубоко в сознании и подсознании Гомо Советикуса.

Склад же Кфир нашел довольно быстро благодаря знакомствам Жана. Это был небольшой гараж, который мог вместить содержимое контейнера. Первое маленькое достижение было некоторое время тем утешением, которое в какой-то мере компенсировало угрызения совести за то, что никаких других успехов пока не было.

Ощущение стагнации, по-видимому, передавалось и руководству. При первом же визите человека с пронизательными глазами в Одессу, тот достаточно бесцеремонно объявил Кфиру, что дает ему месяц показать какие-то результаты. Это было крайне неприятно, так как кроме идеи создания центра, которая все больше смахивала на гиблое дело, никакой другой конкретной цели поставлено не было.

В то самое время община безуспешно пыталась вернуть в свою собственность здания бывших синагог. Эта непростая борьба со всевозможными нюансами и проволочками основывалась на решении правительства о восстановлении религиозной собственности или чего-то в этом духе.

Сидя на одном из первых заседаний координационного совета, Кфир внимательно слушал выступающих, сам, однако молчал. Он знал, что в некоторых случаях молчание нередко воспринимается как отражение интеллекта. Однако часто этого интеллекта едва хватает на то, чтобы скрыть его отсутствие.

Раньше или позже нужно было заговорить. Как же хорошо было думать, молчать и считать себя таким умным. Лишь открыв рот и услышав себя, Кфир понял, насколько он глуп и наивен. За этим последовал вывод, что перед тем как дать выслушать себя другим, следует прежде выслушать себя самому. Это было началом адаптации.

Через некоторое время Кфир начал объезжать территорию, за которую отвечал. Она была очень велика, и чтобы ее географически определить с относительной точностью, нужно было провести более или менее прямую линию от Керчи на северо-запад до Львова. Территория включала в себя большую часть южной Украины, часть западной Украины, а также Молдову. «Владения Кфира» по величине превосходили многие европейские страны. Он же, провинциальный азиат, наивно планируя свою первую поездку, совершенно не учел время, необходимое для преодоления расстояний, чем здорово рассмешил Жана. Да, мышление нужно было менять, и это тоже было частью адаптации.

Так постепенно он начал разъезжать и налаживать контакты с различными общинами и организациями. Стараясь придерживаться нейтральной линии, Кфир всегда пытался быть в стороне от всевозможных конфликтов между многочисленными организациями и их лидерами, несмотря на попытки заручиться его поддержкой. Оказавшись в этих микроцентрах политических интриг, он начал осознавать, сколько грязи было во всем этом. Однако, «с волками жить, по-волчьи выть», и со временем Кфир невольно стал обучаться, а в некоторых случаях пользоваться приобретаемыми навыками.

Быт в Одессе со временем тоже постепенно начал налаживаться. Члены общины относились к Кфиру в основном нормально, за исключением председателя, который почему-то в упор его не замечал. Фельдштейн, высокий брюнет, вел себя очень высокомерно и самоуверенно. С членами координационного совета общины отношения тоже складывались своеобразно. Шай, видя в Кфире конкурента и пытаясь всеми силами представить себя официальным представителем Израиля, за спиной у него вел себя самым неэтичным образом, и это очень деликатная формулировка. Арт, со свойственной англосакской вежливостью и сдержанностью, будучи прирожденным интриганом, жестко следовал своим интересам. Единственным и верным союзником стал Саша, местный раввин, с которым они быстро нашли общий язык.

В одну из первых суббот Жан позвал Кфира в единственную действующую синагогу на Пересыпи. Там Кфир надеялся познакомиться с Сашей. В синагоге его не оказалось. Его ученики, идущие к Саше на обед после синагоги, позвали с собой Жана с Кфиром. Было неловко прийти к незнакомому человеку, но Жан убедил его, что в общении с Сашей это вполне приемлемо.

Квартира, в которую они пришли, была недалеко от синагоги. В многочисленных больших комнатах сутились ученики раввина, приготавливая субботнюю трапезу. Самого раввина не было видно. Как Кфир и ожидал, ощущение было неприятным. Он чувствовал себя не на месте. Наконец Жан позвал его в комнату, дверь в которую до сих пор была закрыта, и в которую только что проскользнул один из учеников. Это была спальня. Раввин сидел на кровати с рассеянным и даже несколько отсутствующим видом. Он почти не прореагировал на то, что Жан представил ему Кфира. Это была довольно странная картина. Немного позже, уже в столовой, улучив момент, Кфир попытался распрощаться. По-видимому, этот шаг привел Сашу в чувство. Он попросил Кфира остаться и усадил за стол рядом с собой, был очень вежлив и приятен в общении. На обратном пути Кфир спросил у Жана о непонятном поведении Саши. Оказалось, что от него буквально пару дней назад ушла жена. Кфир не стал интересоваться причинами и подробностями.

Общинные мероприятия в то время обычно проводились у Шая. Его организация в то время была единственной, имеющей для этого помещение. Как-то в пятницу, когда там обычно было много молодежи, Кфир познакомился с двумя молоденькими израильскими девушками, прибывшими для работы с молодежью. И ему и им было приятно пообщаться вдали от дома на иврите. Почти сразу же возникла взаимная симпатия. Уже через самое короткое время одна из них глазами показала Кфиру выйти с ней на улицу, где рассказала, что они получили от Шая инструкцию сторониться Кфира. Во время беседы с ними Шай назвал его ненадежным и вообще непонятно откуда появившимся. При всей своей наивности Кфир никак не мог ожидать такого отношения. Было явно, что подобные инциденты будут повторяться.

Глава 6

Приобретение опыта

Уже в первые недели пребывания в городе Кфира познакомили с Семеновским. Это был типичный еврей коммунистического типа. Высокого роста, с несгибаемой осанкой и пролетарской внешностью, с ограниченным образованием и большими амбициями, подпитываемыми статусом депутата горсовета. В их первые встречи с его стороны ощущалось по отношению к израильтянину какое-то пренебрежение. Однако через короткое время он достаточно резко изменил свое отношение. По-видимому, советская закваска начинала уступать место реалиям «времени больших перемен».

Короче говоря, они, если можно так выразиться, «официально подружились», а другими словами, осознали, что могут оказаться полезными друг другу. Их беседы становились более частыми и продолжались дольше, а иногда Кфир приглашал Семеновского пообедать. Тот же со своей стороны был рад просветить Кфира в вопросах политики города, не исключая сплетен, касающихся местных владык. Все это естественно проходило на фоне нескрываемого интереса к Израилю, его технологиям, политике и экономике. Без особого стеснения Семеновский дал понять, что был бы рад познакомиться с Израильскими официальными лицами. По-видимому, где-то в подсознании он примерял себя на должность депутата Верховной Рады⁶. Что ж, Кфир был бы за него только рад. Все, что он мог ему предложить, это знакомство с московскими дипломатами. Так как Семеновский собирался в Москву, они договорились там встретиться – с тем, чтобы зайти в израильское посольство. Свою следующую поездку в Москву Кфир устроил во время пребывания там Семеновского, и беспрепятственно провел его в посольство, что произвело на него сильное впечатление и сделало гораздо более разговорчивым, чем обычно.

Кроме обычных первых и вторых секретарей в посольстве находился с визитом человек с пронизательными глазами. После долгой беседы с Семеновским, которая больше напоминала сессию вопросов и ответов, начальник полусерьезно успел шепнуть Кфиру на ухо: «Ты делаешь успехи, я перевожу тебя во второй класс», – из чего тот заключил, что испытательный срок завершился успешно.

До возвращения в Одессу Кфиру удалось еще раз поговорить с глазастым, но на сей раз обстоятельно. Во время разговора он почувствовал некоторое изменение тона и отношения вообще. Кфир со своей стороны в сдержанной форме выразил недовольство тем, что от него ожидается то, что мало осуществимо при отсутствии самых элементарных ресурсов и при наличии весьма жесткой конкуренции. Он подразумевал не только Шая и Арта с их богатыми организациями за спиной, а также всю среду, в которой проходила его работа, и в которой «без удобрений ничего не росло». Среда подразумевала взяточничество, как самую эффективную форму бюрократии. Высшее руководство ответило не сразу, чем подтвердило свое косвенное согласие с претензиями Кфира. Очевидно «Соколиный Глаз» либо действительно на данный момент был очень ограничен бюджетом, либо как опытный экономист прикидывал, стоит ли на данном этапе, когда его фишка еще недостаточно себя зарекомендовала, делать на нее дополнительную ставку. Наконец он ответил: «У тебя есть ресурс, с которым никакая организация, ни Арт и ни Шай, не смогут конкурировать. Это контакт с посольством, это визы, это, в конечном счете, даже возможность входа в посольство. Это твои козыри. Пока попробуй довольствоваться ими».

Кфир ушел из посольства не в лучшем настроении. Ему по-прежнему казалось, что от него хотят слишком многого, ничем при этом не оснатив. Он не имел ни малейшего поня-

⁶ Верховная Рада (укр. Верховна Рада України; букв.: Верховный Совет Украины) – однопалатный парламент Украины.

тия, как и когда ему представится возможность распорядиться столь абстрактными козырями, которыми так щедро его одарил «Сокол». Даже при наличии такой возможности, при самой искусной игре, вряд ли это принесет какие-либо существенные результаты, кроме выражения ложного уважения и благодарности.

Эти мысли беспокоили Кфира в вагоне метро. Он сомневался в том, был ли достаточно настойчив с начальством.

Людской поток вынес его из вагона и понес дальше. Когда поезд едва тронулся, в одном из проходящих мимо вагонов его взгляд задержался на интересной брюнетке. Их взгляды встретились, и оба ощутили необъяснимое моментальное влечение. Через долю секунды набирающий скорость поезд оборвал их «связь», унося с собой черноглазую брюнетку. Он же, уносимый людским потоком, был еще достаточно молод для того, чтобы ощутить эмоции и сожаление, вызванные этим произвольным жизненным моментом импрессионизма.

На обед у Кфира была назначена встреча с Семеновским в московском представительстве Украины, где тот, как официальное лицо, имел право останавливаться. Было интересно побывать в этом полуофициальном посольстве, где на большой стене под барельефом Владимира Ильича, выполненном в железном стиле соцреализма, большими буквами была выведена цитата, гласящая о том, что будущее Украины невообразимо без России. Сейчас, спустя более 20 лет после провала оранжевого правительства, можно признать, что была доля правды в этой цитате. Однако тогда, во времена больших перемен, цитата невольно вызывала улыбку.

Во время обеда Семеновский как всегда разглагольствовал со свойственным ему революционным пылом и подчеркнутой прямоотой. Кфир в основном молчал, наблюдая и думая о нем: «К сожалению, люди, которые всегда говорят то, о чем думают, не всегда думают о том, что говорят. Часто это случается от того, что они устают думать раньше, чем говорить. Им нужно просто меньше разговаривать». На следующий день Кфир отправился обратно в Одессу. Монотонное постукивание колес ввергло его в состояние задумчивости и сомнения в дальнейшем успехе. Тогда он еще не подозревал, что полная отдача работе, так свойственная ему в тот период, была тем счастливым временем, ценность которого осознается лишь по его окончании.

Ночью в Киеве, во время остановки или сразу же после нее, в дверь купе достаточно агрессивно постучали. В соответствии с правилами безопасности Кфир не спешил открывать.

На вопрос «Кто там?» резко ответили:

– Проводник! Открывайте!

Кфиру очень не понравилась эта бесцеремонность, и он спросил:

– В чем дело?

В голосе проводника ощущалось отсутствие терпения и какая-то безапелляционность:

– Немедленно открывайте, мы подсаживаем к вам пассажиров! – произнес проводник на достаточно высоких нотах.

Кфир знал, что в соответствии с действующими правилами наличие билетов на все купе не лишало проводника права подсадки пассажиров. Как ни странно, но в 90-е все сходило. Не понятно, какие могли быть билеты у пассажиров без мест? Однако «Умом Россию не понять...» Кфир все же попытался осадить проводника, напомнив, что у него четыре билета на все купе, но проводник, не дав ему договорить, сказал, что это не играет роли, и попытался открыть дверь, которая сразу же наткнулась на защелку безопасности. Это еще больше разозлило проводника, и он, начав сильно двигать дверью взад-вперед, закричал, чтобы дверь немедленно открыли. Это было очень сильное давление, но Кфир все же выдержал. Проводник понял, что один он ничего не решит. Стало тихо, но через несколько минут он вернулся с начальником поезда, который, громко назвав свой титул, в том же тоне потребовал открыть купе. В создавшейся ситуации Кфир был вынужден бросить свой самый большой и очевидно последний козырь:

– Господин директор поезда! – обратился он к начальнику через дверь, стараясь, чтобы голос звучал как можно более спокойно и уверенно, – Немедленно прекратите это безобразие!

Властные нотки в голосе, кажется, возымели кое-какое действие, и он понял, что у него есть шанс хорошо сыграть, если голос не подведет. За дверью на какую-то долю секунды воцарилась тишина, которой он и воспользовался, перейдя на более тихий, но не менее уверенный тон:

– Я иностранный дипломат, и если вы сию же минуту не прекратите меня беспокоить, завтра же на ваш МИД будет отправлена нота, и у вас лично будут серьезные проблемы. – Затем за дверью он услышал какое-то перешептывание между начальником и проводником и последующие удаляющиеся шаги. По-видимому, они решили найти другие пути заработать и не испытывать судьбу с незнакомыми до сих пор силами.

Глава 7

Дипломатия: первые шаги

По возвращении в Одессу Кфир возобновил свои попытки, связанные с получением помещения для создания центра. В этом деле контакты с влиятельными людьми могли быть особенно полезными. Он решил действовать через Семеновского.

Еще перед отъездом из Эйлата Кфир обратился к вице-мэру города, который какое-то время был его ротным командиром, с идеей о том, чтобы завязать отношения между городами на Красном и Черном морях. Имея письмо от мэра Эйлата к мэру Одессы, Кфир попросил Семеновского устроить ему встречу. После визита Семеновского в московское посольство тот был рад продемонстрировать Кфиру свое влияние в городе. Мэр, естественно, был очень занятым человеком, так что на это потребовалось несколько недель, однако встреча все же состоялась.

Валентинов оказался мужчиной средних лет, приятной внешности и с достаточно развязными для официального лица манерами. Для Кфира это была первая официальная или полуофициальная встреча. Однако, как ни странно, он не ощущал какого-либо волнения или неуверенности в себе. После официальных приветствий Кфир вручил Валентину дорогую коньяк, который тот с некоторым пренебрежением передал своему помощнику.

В начале встречи Кфир объяснил миссию фонда, которая заключалась в возрождении национальной культуры. Он рассказал о трудностях, возникающих в процессе, в частности с аккредитацией, а также с помещением. Было ясно, что они прощупывали друг друга. Валентинов внимательно слушал, вопросов не задавал и соответственно не предлагал никакой помощи. И лишь к концу встречи, когда Кфир передал ему письмо от мэра Эйлата с приглашением, Валентинов рассказал, что представитель известной организации, которого зовут Шай, не так давно передавал ему похожее письмо из муниципалитета Хайфы. Не растерявшись от столь неожиданной новости, Кфир сказал, что теперь у мэра Одессы как минимум две причины посетить Израиль, и добавил, не скупясь на красочное описание Эйлата, что там он сможет еще и отдохнуть. По-видимому, на этом этапе мэр несколько расслабился и сообщил, что возможно на одном из ближайших заседаний горсовета будет обсуждаться возможность визита делегации мэрии в Израиль. Прощаясь с Валентиновым, Кфир заверил его, что будет рад помочь, чем сможет, для осуществления контактов между городами.

Информация, полученная от мэра в отношении Шая, многое объясняла. Налаживание контактов между муниципалитетами Одессы и Эйлата могло повредить попытке Шая в создании отношений между муниципалитетами Одессы и Хайфы. Нужно было хорошо обдумать, следует ли форсировать события. В отношении визита кроме полученной информации были достигнуты важные цели. Это контакт с мэром и тот факт, что он был поставлен в известность о деятельности Кфира в городе. Даже учитывая то, что мэр не предлагал никакой помощи и вообще никак не реагировал на его нужды и планы, что вполне соответствовало чиновнику такой закваски, можно было рассматривать встречу, как получение молчаливого согласия на деятельность Кфира.

Он позвонил Семеновскому и сказал, что хотел бы рассказать ему о своей встрече с мэром за обедом. Нужно было иметь информацию о возможных шагах муниципалитета в отношении развития контактов с Хайфой и Эйлатом.

В пятницу вечером Кфир был приглашен на ужин к Саше. Приглашение последовало после очередного заседания координационного совета общины, членом которого, от ее религиозной части, состоял Саша. Кфир же, как представитель Израиля, наряду с остальными иностранцами Шаем и Артом, автоматически стал членом координационного совета. Нельзя ска-

зять, чтобы он был очень уж активным его членом. Для него было важно быть в курсе всего, что происходит, а Фельдштейн в свойственной ему командной манере обычно информировал совет. Исключениями служили общинные мероприятия, в которые каждая организация и ее представитель обычно вносили свою лепту. В данном случае Фельдштейн в очередной раз проинформировал совет о том, что дела с помещением идут по-прежнему, то есть, никак не идут. Заседание проходило в помещении Шая.

В эту же пятницу на ужине у Саши Кфир познакомился с девушкой по имени Лана. Вообще-то он познакомился с ней и ее сестрой-близнецом Анной, но возможность поговорить и попросить телефон представилась ему с Ланой. Девушки были идентичны – интересные брюнетки с большими черными глазами, неплохими фигурами и необычно пластичными движениями, что делало их особенно привлекательными. Так у нашего героя начался в Одессе первый роман. Тогда, по молодости, ему не хотелось осознавать того, что если женщина пытается вскружить мужчине голову, она, по-видимому, готовит место для посадки.

Может быть, сейчас стоит упомянуть о том, что в те дикие времена даже холостякам из ведомства Кфира нельзя было иметь романтических контактов с местными. С коллегами, заезжими или постоянными, – да, а вот с местными – нет. Понятно, что система безопасности опасалась шантажа, несмотря на то, что шантаж на этой почве давно устарел. Тем не менее, нарушение этого пункта устава являлось серьезным проступком. Однако, когда ты молод, полон сил и ощущаешь успех, мало кто устоит перед таким соблазном, как Лана. Так наш герой нарушил устав... но это был единственный пункт, хотя и нарушал он его неоднократно... Да, если у мужчины взъерошенный вид, значит рядом прошла ветреная женщина.

Территория, курируемая Кфиром, была огромной. Каждые несколько недель ему приходилось куда-нибудь уезжать. Обычно не больше, чем на неделю. Вначале он попытался объездить всю свою территорию, однако очень скоро понял, что частое посещение таких удаленных мест как Крым или Львов отрицательно отражается на работе в Одессе и прибрежных к ней районах. Поэтому Кфир сосредоточил свои усилия в Кишиневе, Тирасполе, Николаеве и Херсоне. Чаще всего он бывал в Николаеве. На это были свои причины. Во-первых, сообщение с ним было довольно сносным. Поездка туда не требовала надолго отлучаться из Одессы. Кроме этого, между ним и людьми, с которыми пришлось там работать, сразу же возникли взаимопонимание и симпатия. Никакой другой иностранный представитель там не бывал так часто, как Кфир, что способствовало приобретению влияния в местной общине. В общем, можно с уверенностью сказать, что частота посещений того или иного пункта зависела от расстояния и создавшихся отношений.

Вторым по посещаемости городом стал Тирасполь. Местный глава общины Симон был политиком союзного уровня, естественно, по еврейским делам. С ним Кфир познакомился еще в Израиле, когда ждал визу. Симон всегда принимал Кфира радушно. В Тирасполе он ни разу не позволил Кфиру остановиться в гостинице. Симон просто не давал ему этого сделать. Он всегда в деталях рассказывал обо всем, что происходило в еврейском мире, от мероприятий до сплетен и интриг на всех уровнях, от городского, до республиканского и союзного. Симон всегда был в курсе всего и с удовольствием делился всей этой информацией, подчеркивая и освещая все в нужном для него свете. Вечерами на кухне за чаем Симон с женой обычно делились с Кфиром своими страхами и надеждами, связанными с репатриацией, которую они планировали в будущем.

Глава 8

Путч

В августе 1991 года, спустя относительно короткое время после появления в Одессе, Кфир в очередной раз поехал в Москву с отчетом в посольство. Так как в посольстве все были очень заняты, назначив встречи со всеми нужными людьми, у него еще оставалось достаточно свободного времени.

Кфиру нравилось приезжать в Москву. Обычно получалось побродить по городу, сходить в театр или музей, а иногда и навестить родственников. По мере того, как он осваивался в городе, постепенно осуществлялись личные планы и замыслы. Следует учесть, что с момента отъезда в 1969 году прошло 22 года. Был 1991-й год – полный развал страны.

Времени было достаточно, и наш герой решил съездить в Опалиху. Опалиха – это бывший в советское время престижный поселок полярных летчиков, находящийся на Рижской дороге в 20-ти минутах езды от города. В этом подмосковном поселке, окруженном лесами, был дом деда, в котором Кфир с сестрой проводили почти каждое лето. Их дед летчиком не был, тем более полярным. Он был адвокатом, достаточно известным, а так же композитором и дирижером. Очень сложная и неординарная личность.

Утром Кфир добрался на метро до Рижского вокзала. Электрички ходили очень редко, да и не всегда по расписанию. Много воспоминаний, связанных с детством и близкими людьми, стали восстанавливаться в памяти. Перед ним всплывали картины и эпизоды начала 60-х годов.

По дороге в Опалиху он был под впечатлением воспоминаний, нахлынувших еще на Рижском вокзале. Напротив него сидели два старика и очень увлеченно обсуждали какие-то политические события. Один из них сказал: «А у нас ведь дворцовый переворот!» – эта фраза как-то проскользнула мимо, но все же осела в подсознании.

Добравшись до Опалихи, Кфир пошел искать когда-то хорошо знакомый дом. Адрес он помнил. Думал, что помнил и дорогу от станции, однако все меняется, и найти дом оказалось гораздо сложнее, чем ожидал. Когда он нашел дом, то ужаснулся. Окна и двери были заколочены. Забор вокруг сада стоял лишь местами. Та часть сада, где когда-то росли прекрасные вишни, вообще была голой. Он прошелся от дома к сараю через небольшую площадку, где когда-то были стол, скамейка, гамак... Мимо мест, где были будки собак, которых они с сестрой так любили. Тяжело было на это смотреть...

Внезапно Кфира окликнула соседка, женщина средних лет. Она подошла к забору со своей стороны и вежливо, как это ни странно для того дикого времени, спросила, кто он такой. Кфир ответил, что он внук бывшего хозяина. Тогда она сразу же изменилась в лице и стала еще более вежливой. Она сказала, что хорошо помнит его маму – «такую интересную женщину, в длинном халате...» У нее Кфир получил телефон сестры жены деда, которая жила в Ленинграде. На обратном пути пришлось опять-таки долго ждать электричку на перроне. По-видимому, никакого расписание не соблюдалось. На наивный вопрос, обращенный к одному из ожидающих, как же с расписанием, он получил довольно грубый ответ, что мол, нужно радоваться, если вообще будет электричка. Да, это был другой мир.

Все еще оставаясь в ностальгическом настроении, Кфир вернулся в Москву и прямо с вокзала отправился на площадь Пушкина в «Мак Дональдс» – перекусить. В то время это был единственный уголок западной цивилизации, если так можно выразиться. Говорили, что это самый большой «Мак Дональдс» в мире (в то время единственный в России). Может быть, ресторан и был самый большой, но и очередь явно была велика. В лучших традициях СССР. Продвигалась очередь, однако, несмотря на все свои полкилометра, достаточно быстро. Явная смесь Востока и Запада, то есть советской культуры и американской эффективности.

Стоя в очереди, Кфир был ошарашен проехавшим мимо бронетранспортером. В Израиле, несмотря на то, что по улицам ходит масса военных, среди которых многие с оружием, по городу бронетранспортеры не ездят. Более того, на бронетранспортере сидели солдаты в боевой форме с патронташами и оружием. Для человека, понюхавшего пороха на своем веку, это все равно выглядело как-то сюрреалистично. Интересно, как же это воспринималось москвичами? По-видимому, их город не видал такого со времен Второй мировой войны. Да, это было очень впечатляюще. Тут-то вспомнилась фраза о «дворцовом перевороте», произнесенная в электричке. Все еще ничего не понимая, Кфир все же пообедал в «Мак Дональдсе».

Выйдя из ресторана, он пошел по улице Горького по направлению к Кремлю. Вдоль улицы стояла колонна танков и молодежь с транспарантами. В воздухе буквально ощущалось напряжение. Два чувства боролись в нашем герое. Первое – любопытство. Ощущая, что он наблюдает какое-то историческое событие, ему хотелось увидеть как можно больше и как можно ближе. С другой стороны, он осознавал, что это безответственно, и в данной ситуации никак не касается его прямых обязанностей. Было ясно, что ситуация небезопасна. Решив не быть героем и сказав себе «Это не твоя война. Тебе хватает ее и дома», Кфир спустился в метро на ближайшей станции, взяв курс на посольство.

В посольстве его непосредственный начальник сообщил, что сотрудники уже ночью получали сообщения из Израиля о происходящем в Москве. По дороге к «главному» он добавил, что не исключена возможность эвакуации. Трудно сказать, чтобы Кфир был в восторге от «главного», но на этот раз его выдержка и хладнокровие произвели впечатление. «Ты сегодня вернешься в Одессу. Мы все остаемся на своих местах», – сказал он не спеша. Следует отметить, что благодаря этой решительной политике, Кфир заработал свои первые «очки» в Одессе. Лидеры Еврейской Объединенной Общины не раз вспоминали, кто где был во время путча. Это сравнение явно не было в пользу Джойнта и Сохнута. Кфир сел на вечерний поезд на Киевском вокзале. Все купе было в его распоряжении, и на этот раз никто не беспокоил его по этому поводу. Устроившись и перекусив, он лег спать. Сон был беспокойным. Поезд часто останавливался и подолгу стоял. В предыдущих поездках тем же рейсом такого не было. Иногда во время продолжительных остановок он выглядывал в окно. Часто стояли не на какой-либо станции, а просто где-то в поле. На фоне политического хаоса буквально ощущалось безвластие. Это напоминало какие-то фильмы о революции, увиденные в детстве. Так ехали всю ночь с остановками. То же продолжалось и днем. Жара разморила Кфира, и он продолжал дремать, мысленно отмечая про себя время очередной остановки, совершенно не представляя, где они находятся.

Проснувшись в очередной раз из-за шума, он понял, что они стоят на какой-то станции, по-видимому, большой. Выглянув в окно, Кфир увидел, что они в Киеве. Мелькнула шальная мысль, что не мешало бы купить «Правду» с обращением ГКЧП⁷. Такая газета, как бы ни развивались события, станет историческим документом. Мигом собравшись, несмотря на сонливость, он попросил проводника закрыть купе. На вопрос долго ли они будут стоять, проводник не смог ответить ничего определенного. Добежав до ближайшего ларька у входа на вокзал, Кфир стал в очередь. Очередь шла дугой и где-то посередине меняла свое направление. Таким образом, сначала он мог спокойно видеть поезд. Однако когда продвинулся до середины, время от времени приходилось отходить и посматривать, не тронулся ли состав. Если бы поезд тронулся, он бы без проблем успел добежать.

Наконец подошла очередь. Он купил газету и еще какую-то книгу, что заняло несколько минут, во время которых поезд был вне поля зрения. Когда он вышел на перрон, мимо шел какой-то состав. Кфир сам не понял свою реакцию. Может быть, где-то в сонном подсознании

⁷ ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) – самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года.

была какая-то уверенность, что его поезд стоит, а этот идет, и не так уж медленно. Тем не менее, он крикнул мужчине в форме железнодорожника, стоящему в открытой двери одного из вагонов: «Куда идет поезд?» Да, странный вопрос. Естественно, что услышав: «В Одессу», – трудно передать, как он рванул. Кфир не подозревал, что мог прыгнуть на такое расстояние. Разгон и прыжок явно не отставали от олимпийских норм. Хуже, однако, дело обстояло с приземлением. Со всей своей энергией и всем весом он приземлился на ногу тому самому железнодорожнику, который оказался начальником поезда. Не стоит повторять, с каким из близких родственников Кфира и в каких отношениях состоял он, судя по его красноречию. Кфир решил более не испытывать его гостеприимство, и чтобы не обнаружить дополнительных родственных связей, поспешил удалиться в свой вагон.

В Одессу приехали на следующий день. В городе ощущалось полное безвластие. Митинги, выступления различных политиков местного масштаба... Не обошлось и без антисемитов. Кто же еще мог быть виноват во всем происходящем? Да, это было интересное время. Невольно вспоминалось китайское проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен».

Удивительное было ощущение в эти несколько дней после путча, до возвращения Горбачева из Фароса. В Одессе стояла великолепная погода, город был весь в цвету. Масса отдыхающих, да и сами одесситы в то время не особенно перерабатывали. Было такое ощущение, что все хотели быть на улице, потому что там скорее можно было узнать последние новости. Это непрекращающееся столпотворение использовалось различными политиками мелкого калибра, которые надеялись на гребне беспорядков подняться на более высокую ступень политической лестницы. Ораторы были чуть ли не на каждом углу.

Между тем, несмотря на обстановку, которая по большому счету напоминала какой-то народный праздник, тем, кто задумывался, было не так уж и весело. Бывалые люди даже в таких городах, где не было танков на улицах, понимали, что не ясно, «что день грядущий нам готовит...» со всеми вытекающими из этого последствиями. В некоторых общинах вывозили и прятали исторические документы, которые удалось спасти или раздобыть. Сжигались списки членов организаций и общин. Было ясно, что «гомо советикус» ожил вновь и будет продолжать это делать при малейшем признаке опасности возрождения предыдущего строя. К Кфиру приехали ребята из Николаева, но не пришли на квартиру, а позвонили из автомата, опасаясь слежки. Они встретились на Приморском бульваре. Сообщив о том, что они закопали общинные списки где-то за городом, спросили, какие у Кфира будут указания. Несмотря на некоторую трагичность ситуации, Кфир едва сдержал улыбку. Гораздо позже, оглядываясь назад, он осознавал, что, по-видимому, сам недооценивал, насколько все это могло быть серьезно. Ребят он попытался успокоить, и они договорились о поддержке связи и на всякий случай об условных словах.

Через несколько дней Горбачев вернулся, и все стало успокаиваться, хотя прогнивший фундамент «нерушимого Союза» дал непоправимые трещины.

Именно в это время рухнула единственная синагога на Пересыпи, которой без малого было 100 лет. Здание было аварийным уже давно, но, как известно, в то время такие вещи мало кого беспокоили. Земля на Пересыпи оседает, здания в Одессе построены из ракушника, что делает их особенно хрупкими.

Кфир часто бывал в этой единственной действующей синагоге. Как-то там произошел курьезный случай. Как известно, во время субботней церемонии к Торе приглашаются семь человек. Это считается большой честью. Сначала коэн, затем леви⁸, а потом по порядку пять представителей сословия Израиль. Приглашенного вызывают по имени и имени отца. На рус-

⁸ Коэны – еврейское сословие священнослужителей в иудаизме, состоящее из потомков Аарона. Леви – потомки колена Леви, также служившие в Храме.

ский это переводится ближе всего как имя и отчество. В какой-то момент, когда очередь дошла до Израиля, Саша-раввин пригласил Володю Веровского, и как это часто бывает, произнося его имя, естественно в его ивритской форме, то есть Зеев, вопросительно посмотрел на Володю, как бы ожидая подсказки. Было ясно, что Саша не знал отчества Володи. Форма обращения к приглашаемому человеку приблизительно такова: «Поднимется и подойдет уважаемый Владимир...» Вот на этом-то месте Саша вопросительно взглянул на Володю, не оканчивая своей фразы. Володя почему-то молчал.

...Нужно отметить, что Володя, будучи членом координационного совета объединенной общины от некоей организации искусства, по некоторым мнениям, не всегда соответствовал статусу. Не раз уклонялся от требований Кфира о представлении отчетов по различным расходам, достаточно примитивно пытался под него «подкапываться». Естественно, отношения были не самыми теплыми.

...И вот Саша повторяет: «Поднимется и подойдет Зеев (Владимир) бен (отчество)...?» А Володя молчит. Саша повторяет в третий раз. Все взгляды устремлены на Володю, который потупив взгляд, тихим голосом, наконец, говорит: «Бен Элиягу». Кфир с Сашей, единственные, знающие иврит среди находящихся, в изумлении посмотрели друг на друга. Встретившись взглядами, несмотря на всю серьезность обстановки царившей в синагоге, они разразились неудержимым хохотом. Зеев бен Элиягу соответствовало русскому «Владимир Ильич». Да, воистину жаль, что славный дедушка Ленин не смог стать свидетелем того, как его тезку приглашали принять участие в еврейской религиозной церемонии. Судя по выражению лица самого тезки, он тоже не был особенно доволен этим невольным открытием.

Здание синагоги продолжало оседать и накреняться. Саша со своими учениками изешивы как раз были в синагоге на лекции. Его не раз предупреждали, что он рискует, но другого помещения не было, и он, смеясь, отвечал: «Во время нашей работы этого не случится». Действительно, он сказал своим ученикам покинуть здание только тогда, когда начали лопаться окна. Через несколько минут после того, как последний человек вышел из здания, оно рухнуло. Интересно, однако, не только то, что никто не пострадал. Шкаф, в котором стоят свитки Торы, и стена вокруг него остались стоять, как будто ничего не случилось. Саша сам все это показывал Кфиру через несколько дней после происшествия.

Глава 9

Пути-дороги

Политические страсти вроде бы утихли на некоторое время. Кравчук, так называемый первый президент Украины, вернулся после «болезни», объявленной на время путча. Было какое-то трудно передаваемое ощущение нестабильной стабильности. Однако все опять пошло своим чередом.

Кфир самым интенсивным образом возобновил свои попытки найти помещение для центра. Между тем Семеновский сообщил, что на заседании в мэрии было решено отправить делегацию в Хайфу для подготовки соглашения городов-побратимов. Семеновскому, который должен был быть членом этой делегации, учитывая его связи с израильским посольством (вернувшись из Москвы, он не переставал рассказывать о встрече с израильскими дипломатами), было поручено заняться визами для делегации. Услышав об этом, Кфир поздравил его с предстоящей поездкой, но больше ничем не выразил своего восторга. Однако при первой же возможности спросил его, как обстоят дела по возвращению общине здания бывшей синагоги на Малой Арнаутской. На это он получил весьма лаконичный ответ, что вопрос будет решаться на какой-то комиссии, в свое время. Кфиру было хорошо известно, что передача здания задерживается из-за отсутствия помещения или нежелания освободить помещение находящейся там организации. Следует отметить, что эта организация была одной из самых влиятельных, и имея достаточно четкие взгляды на грядущие перспективы, ни в коем случае не отказалась бы от такой недвижимости, ничего не получив взамен. Другими словами, все упиралось в желание или нежелание мэрии предоставить вышеупомянутой организации альтернативное помещение.

Шай, как и прежде, продолжал за спиной Кфира строить свои маленькие козни. Арт при встрече всегда снисходительно улыбался. Фельдштейн почему-то до сих пор продолжал его не замечать. А вот с Сашей они постоянно контактировали, и не только по рабочим темам. Саша восхищал своим великолепным русским и потрясающей эрудицией. Кроме того он отличался веселым нравом и незаурядным чувством юмора. Кфиру очень импонировало то, что этот ультра религиозный раввин очень толерантно относился к такому типу как он, который даже не носил кипу⁹. Как-то до Кфира дошли слухи, что однажды в синагоге во время вечерней молитвы, когда он остался молиться вместе с Сашиними учениками, они с удивлением говорили: «Он молился, как один из нас...» Однако с его стороны это было абсолютно искренне. Кфир не раз говорил о себе: «Религия близка мне. К сожалению, это я далек от нее».

Планируя очередные поездки, он уже достаточно освоился и обнаглел для того, чтобы дополнять их своими личными маршрутами. С самого начала своего пребывания в СНГ ему очень хотелось побывать в Риге.

Обосновавшись в Одессе и пустив на своем новом поле деятельности кое-какие корни, Кфир попытался осуществить свою давнюю мечту. Как уже упоминалось, в тот период ему не надо было отчитываться о времени и местонахождении. Он курировал весь юго-запад Украины, от Керчи до Львова, разъезжал в основном поездами, при полном отсутствии маломальской связи, и начальство не могло знать, где он находился и что делал в какой-либо момент. Чувство ответственности, однако, часто мешало оторваться от интенсивной работы.

Тем не менее, во время очередной «пробежки» по просторам великой страны, Кфир решил заехать в Ригу. Утром, выехав из Одессы в Херсон на «Ракете» – корабле на воздушной подушке, через несколько часов он был на месте. Проработав там весь день и переночевав,

⁹ Кипа – традиционный еврейский мужской головной убор.

на утро он собирался отправиться автобусом в Николаев. Ему навсегда запомнилась утренняя поездка по Херсону в автобусе к автовокзалу. Сказать, что пассажиры были набиты в автобусе как сельди в бочке – это значит, ничего не сказать. Кфир даже и не попытался бы зайти в такой переполненный автобус. Местных же, которые стояли рядом на остановке, это обстоятельство нисколько не смутило, впрочем, как и тех, кто уже был в автобусе. Это невероятное «уплотнение», по-видимому, являлось нормой, и было ежедневной практикой, как бы естественной частью среды. Если бы не местная знакомая, он бы, наверное, еще долго стоял на остановке. Чтобы описать атмосферу в таком автобусе, нужно быть художником, любителем экстрима и поэтом одновременно. В этот период экстрим для него был более или менее нормальным, частым явлением. Держаться в автобусе не представлялось возможным, но и необходимости в этом не было. Непонятно, как он не потерял сумку, а точнее, как ее не унесло от него этим медленным, но мощнейшим людским течением. Из карманов тоже ничего не пропало, по-видимому, по той простой причине, что в давке такой плотности карманники теряют свой «оперативный простор».

Итак, добравшись из Херсона в Николаев, Кфир был встречен своими соратниками, с которыми провел еще один рабочий день. Как и было договорено, они заранее купили ему билет на самолет в Ригу. Естественно, он заблаговременно предупредил своего кузена, которого не видел 22 года, о своем предстоящем прибытии.

Самолет улетал в семь вечера, и где-то к шести Кфир с сотрудниками прибыл в аэропорт. Здесь их ожидал неприятный сюрприз. Оказалось, что кто-то из работников перепутал время. Другими словами, самолет не улетал в 7 вечера, а улетел в 17:00. «Поезд ушел». Не теряя времени, бросились проверить возможность полета на Москву.

Да, было очень обидно. Разработать такую комбинацию поездок, учитывая единственный в неделю рейс на Ригу из Николаева, бешеную занятость и другие факторы, было очень непросто. Кфир не знал, когда ему представится другая такая возможность.

Рейс на Москву уходил через час, и он решил обдумать ситуацию во время полета. Посадка прошла нормально, однако в самом конце оказалось, что не хватает одного места. Женщина с ребенком на руках, которая последней вошла в самолет, была в отчаянии. В ряду Кфира через проход сидел мужчина с двумя детьми, одного из которых он держал на коленях. Опытная стюардесса сразу же предложила решение. Если мужчина согласится, чтобы женщина взяла на руки его младшего ребенка, а кто-нибудь другой, (в этот момент она повернулась в сторону Кфира и очень мило ему улыбнулась) согласится держать ее ребенка во время рейса, то освободится недостающее место. Мужчина согласился, согласился и Кфир. Мать его маленького спутника на всякий случай подстелила ему на колени что-то плотное, но все обошлось, мальчик вел себя хорошо, не шумел и даже улыбался.

Прилетев в Москву, Кфир решил проверить возможность переезда ночным поездом в Ленинград. Добравшись из аэропорта на метро до Ленинградского вокзала и там получив всю информацию, он взял билет на «Красную Стрелу», которая должна была скоро уходить.

Итак, проспав несколько часов в спальном вагоне (на сей раз у него был только один билет), где-то в районе семи он был в Ленинграде или Петербурге. На вокзале в первую очередь прочитал утреннюю молитву, предварительно надев тфилин. Он делал это каждое утро уже много лет, однако в этом городе организации «Память»¹⁰ для него это имело особое значение. Во время молитвы ему вспоминался Маяковский: «Смотрите, завидуйте...»

В Ленинграде жила сестра жены его деда – Галя. Деда и его жены к тому времени уже давно не было в живых. Кфир помнил, как тетя Галя приезжала в тот прекрасный подмосковный дом, где они с сестрой в детстве часто проводили лето. Получив ее телефон у соседей

¹⁰ Организация «Память» – русская праворадикальная антисемитская организация.

деда, ему удалось дозвониться до нее еще из Одессы. Так что она была в курсе его возможного появления.

Когда он позвонил с вокзала, ее не оказалось дома, но на звонок ответил ее сын, который сразу же вызвался подъехать. Юра, с которым они раньше не были знакомы, оказался невысоким плотным блондином, судя по всему, родившимся уже после того, как семья Кфира уехала из СССР. Этому молодому парню, делающему свои первые шаги в бизнесе, было очень интересно поговорить с иностранцем. Пока они добрались до их квартиры, тетя Галя была уже дома. Она приняла Кфира на кухне, занимаясь варкой супа, не пригласив в комнату. Однако перед тем как он ушел, она отлучилась и, вернувшись на кухню, протянула две фотографии – деда и бабушки – а также небольшую палехскую шкатулку, внутри которой были маленькие, не работающие настольные часы. «Это тебе на память от деда», – сказала она. Тогда стало ясно, чем объяснялось столь странное гостеприимство.

Дед был очень состоятельным человеком. Естественно, что когда деда не стало в 1971 году, мама Кфира – единственная прямая наследница – будучи в Израиле, ничего не унаследовала. У деда был уникальный вкус к антиквариату, который дополнялся поистине редкими возможностями для советского человека. К его адвокатским услугам в свое время обращались люди из разных городов. Да, тетя Галя, наверное, и не поняла, что она дала не просто какие-то поломанные часы. Однако суть, конечно, не в этом.

Вторая половина дня в Ленинграде ушла на добычу билета на ночной поезд в Ригу. С трудом удалось взять билет на место в общем вагоне. Ему первый раз пришлось ехать таким образом. Уже во время посадки он обратил внимание на бандитского вида верзилу, выражаясь его языком, «клеил» проводницу. Когда отъехали, часов в 12 ночи, Кфир сразу же залег на свою верхнюю полку и, положив сумку в более безопасное место между собой и стеной, попытался уснуть. Конечно, в этом пространстве с неограниченными звуками и самыми неограниченными ароматами спалось очень посредственно. Кроме всего, положение усугублялось плохим самочувствием – результатом чего-то съеденного в течение дня. Пришлось несколько раз выходить, спускаясь вниз по полкам. По пути он несколько раз беспокоил верзилу, который сидя в почему-то открытом купе проводницы, явно продвигался в своих планах. На второй или третий раз верзила посмотрел на Кфира так, как смотрит сторожевая собака, у которой хотят отобрать кость. Он понял, что лучше в следующие разы смотреть в другую сторону. В его состоянии продолжать заниматься железнодорожным альпинизмом было нежелательно, к тому же не спалось, да и светало. Он сел в коридоре на свободное место и задумчиво смотрел в окно.

Минут через 15 поезд несколько замедлил ход, и они проехали какую-то маленькую станцию. Молодые мужчина и женщина на велосипедах ждали у шлагбаума, пока пройдет поезд. Было видно, что они дачники, но не российские. Весь их вид говорил о том, что поезд уже на территории Латвии. Их спортивный, бодрый вид буквально окунул Кфира в утреннюю летнюю свежесть, которая откликнулась в памяти. Он почувствовал то, что ощущал в детстве в пионерском лагере во время зарядки. Да, детские впечатления, как бы глубоко они не хранились, всплывают с удивительной четкостью, со всеми ощущениями, красками, оттенками, запахами и волнениями. Он смотрел в окно на знакомую с детства природу и не мог оторваться, ощущая смешанные чувства. Двадцати двух лет отсутствия на этой земле, которая отвергла его, как будто и не было.

Через некоторое время въехали в город. Все было знакомо: пригород, начало городской черты, сам вокзал... Кузен, которого он все же успел предупредить о своем приезде, ждал на перроне. Кфир сразу же узнал его, несмотря на все эти годы, хотя он и показался ему гораздо меньше, чем когда-то. Кажется, как ни странно, основное чувство, которое они оба испытывали во время этой встречи на вокзале, было любопытство. Они никогда не были очень близки, да и разница по всем параметрам социального положения не способствовала этому. Интересно,

что кузен первым делом сказал, что ожидал увидеть Кфира более высоким, и что на улице никогда бы его не узнал. Так как вечером Кфир собирался уехать в Москву, несмотря на все протесты, в первую очередь он купил билет на вечернюю «Латвию». Затем попросил принять душ. Во время завтрака посвятил кузена в свои планы на тот день. В первую очередь – на кладбище «Шмерли»¹¹, на могилу отца, потом в «Румбульский лес»¹² – там где-то бабушка с тетей, которых он не знал; а затем он хотел попытаться найти старых друзей родителей, если останется время. Кфиру повезло. За этот день он успел больше, чем надеялся. Вечером он уехал в Москву.

На следующее утро, придя в посольство, он отчитывался о проделанной работе. Вечером, наконец добравшись до «Севастопольской» гостиницы, где были постоянно забронированы номера, поужинав и приняв душ, лег в постель и к удивлению почувствовал какой-то особенный комфорт, которого никогда раньше не ощущал на этих знакомых неудобных кроватях. Прислушавшись к себе и проанализировав ситуацию, он понял, что уже не одну ночь спал в поездах, и его наконец-то не качает.

¹¹ Кладбище «Шмерли» – еврейское кладбище, расположенное в окрестностях леса Шмерли в Риге.

¹² Румбульский лес – лес вблизи Риги в Латвии, где 30 ноября и 8 декабря 1941 г. произошло массовое убийство более 25 тысяч евреев.

Глава 10

Как становятся интриганами

В посольстве Кфир получил массу литературы в ящиках для своего региона. На вокзал он приехал в сопровождении грузовика, под руководством некоего самоуверенного молодого человека. За считанные минуты до отхода поезда его команда начала заносить ящики в тамбур, что вызвало бурный протест со стороны проводника, сопровождающего свое возмущение самыми сочными одесскими эпитетами. Кфир бы еще долго наслаждался этой сценой, но поезд должен был вот-вот тронуться, а проводник с молодым человеком буквально столкнулись лбами. Ему удалось разрядить обстановку, сказав проводнику:

– У вас уникальный одесский диалект. Такого сейчас уже не услышишь, – и мягко взяв его за локоть, добавил, – Я не сомневаюсь, что мы с вами сможем договориться...

Проводник сразу же смягчился и ответил:

– Это у мене? Да, что ви. Вот у моей мамы был настоящий одесский разговор! – В это время поезд тронулся, и бригада забрасывала последние ящики уже на ходу. Позже Кфир их затолкал к себе в купе и забил его так, что ему пришлось спать на верхней полке. Благо в Одессе его встречали.

На очередной встрече с Семеновским Кфиру стало известно, что через несколько дней должен состояться телефонный разговор между замами мэров Одессы и Хайфы на тему приезда одесской делегации. В те, можно сказать, исторические времена, не всегда удавалось дозвониться по городскому телефону, не говоря уже о междугороднем. По рассказам местных жителей, база телефонной связи устанавливалась еще до революции бельгийцами, и с тех пор не особенно изменилась. Семеновский сказал, что в разговоре с начальницей отдела культуры он предложил, чтобы Кфир присутствовал в качестве переводчика, на что та ответила, что у них уже есть свой человек. По различным причинам Семеновскому было лучше использовать Кфира, поэтому он сказал ему, где и когда быть на всякий случай.

Естественно, что когда Кфир услышал о наличии переводчика, то сразу же подумал о Шае. Шай проталкивал тему контактов с хайфской мэрией с самого начала, так что его присутствие и использование в качестве переводчика во время разговора было само собой разумеющимся. Связь с Хайфой была назначена в среду на 11 часов утра. На 10 часов уже был назначен координационный совет общины, на котором Шай и Кфир должны были присутствовать. Совет проходил в новом офисе Арта, в 5-ти минутах ходьбы от мэрии.

Во время совета Шай вел себя более нервно, чем обычно, выкрикивал, что это просто трата времени, часто смотрел на часы. Нужно было его как-то задержать. Кфир передал записку Саше, сидящему рядом, чтобы он сделал что-нибудь для этого. Когда Шай в очередной раз произнес свою реплику, Саша разразился гневной речью. Кроме общей критики его деструктивного поведения он в заключении проорал: «Если ты еще раз посмотришь на часы, я с тобой на совете больше заседать не буду!» Это сулило развал совета, чего никто себе позволить не мог. Шай притих. Через 5 минут Кфир вышел «в туалет» и пошел в мэрию.

Семеновский нервно вышагивал в одном из коридоров мэрии около двери кабинета, у которого они договорились встретиться. Когда они зашли внутрь, директор отдела по культурным связям бросила на Кфира неодобрительный взгляд, но ничего не сказала. Связь уже была заказана, ждали звонка. Как только раздался звонок, переводчик, а им оказался сотрудник мэрии, который с грехом пополам изъяснялся на английском, поднял трубку. С его стороны слышались самые обыденные фразы, произнесенные с невообразимо тяжелым русским акцентом. Этот ограниченный запас слов, сформулированных в короткие, грамматически неправильные предложения, можно было понять лишь при знании русского языка. Недоуме-

ние на лице переводчика, который растерянно показывал, что ничего не понимает, привело к тому, что все молча повернулись в сторону Кфира.

Взяв трубку, Кфир услышал поток французской речи с сильным марокканским акцентом, который он немедленно остановил обращением на иврите. Оказалось, что Проспер – вице-мэр – не знал ни слова по-английски. Короче говоря, кончилось тем, что все детали, касающиеся поездки делегации, прошли через Кфира в самом официальном порядке.

Интересно, что глава отдела по культурным связям, плохо скрывавшая свое недовольство ролью Кфира в ходе переговоров, сказала Семеновскому: «Вот этот молодой человек, он вроде бы культуру представляет, а между тем не производит такого впечатления». Это был на редкость суковидный, ведьмообразный представитель женского рода. Непонятно, на чем основывалось мнение этой дамы, возглавляющей отдел по культурным связям и не говорящей ни на одном иностранном языке.

До отъезда делегации было еще месяца полтора. Кфиру полагался отпуск уже более месяца назад, но он никак не мог вырваться. Все время что-то мешало: то какой-нибудь съезд, то встреча, то еще что-нибудь. На этот раз ему надлежало встретить во Львове советника главы правительства по делам Восточно-Европейского Еврейства, заблаговременно проверив, все ли готово к его приезду, а также сопровождать его.

Интересно, что в те недалекие времена иностранцам, кроме обычной визы, для пребывания в стране требовались также дополнительные визы для пребывания в каждом отдельном городе, которые выдавались ОВИРОм¹³. Сразу же после прибытия Кфира в Одессу Жан отдал его паспорт одному из своих, как он их называл, «гвардейцев», который, проторчав целый день в ОВИРе, вернул его с длинным списком вписанных от руки городов, заверенным печатью. Эти визы, наряду с основной, должны были продлеваться посредством такой же процедуры каждые несколько месяцев.

Во Львове Кфира встретили несколько активистов одной из организаций. Они были очень симпатичными людьми, но почти во всем, что они делали, сквозило желание использовать контакт в свою пользу на своей межорганизационной политической арене. Нужно было быть очень осторожным и обдумывать каждое слово. Приехав за три дня до прибытия большого начальства, Кфир успел уже на следующий день тщательно проверить все, что подлежало проверке. Это были программа встреч с политиками, с общиной, программа поездки по различным местам и, разумеется, гостиница.

Кфир остановился в гостинице, соответствующей своему рангу. Советника, естественно, поселили в другой гостинице и в номере другого класса. В прошлом он уже встречал этого человека в Тель-Авиве. Он оказался намного приятнее, чем показался во время их первой встречи. Его жена была просто обаятельной женщиной. Первый день прошел эффективно и быстро, и только добравшись поздно вечером до своей гостиницы, Кфир почувствовал, насколько устал.

Ему повезло, что местный шофер Володя почему-то решил, что он должен довести его до номера. Когда они подошли взять ключ, администратор, посмотрев на Кфира, сказала:

– Мы вас выселили. Ваши вещи вот здесь, возьмите и расплатитесь! – Кфир был уверен, что это ошибка, и спросил, не перепутала ли она что-нибудь, на что получил отрицательный ответ. Набравшись терпения, он попытался узнать причину такого поворота событий. Ему объяснили, что у него нет визы на Львов. Достав паспорт, и открыв его на нужной странице, он начал скрупулезно проверять длинный список разрешенных городов. Львова действительно не было.

¹³ ОВИР (Отдел виз и регистрации (иностранцев)) – организация, существовавшая в СССР и постсоветской России (1935–2005 гг.), занимавшаяся регистрацией иностранцев, прибывших в СССР и Россию.

– Но я уже нахожусь здесь несколько дней???

Администратор показала на наряд милиции, проходящий мимо, и грубо добавила:

– Хотите, чтобы я их пригласила, или сами уйдете? Вы вообще здесь не ночевали! –

Увидев милицию, Володя мягко положил руку Кфиру на плечо и шепнул:

– Не надо, пойдёмте.

Они загрузили вещи и сели в машину. Кфир действительно не знал, что делать. Володя сказал:

– Переночуете у меня.

Неудобно, но деваться было в полном смысле этого слова некуда. Оставшиеся пару ночей он провел у Володи. Он, его жена и сын отнеслись к нему очень заботливо и гостеприимно.

По окончании всех запланированных мероприятий советник с женой улетели, а Кфир отправился в Москву поездом. Он оказался в купе с тремя мужчинами. Один, средних лет, а двое – молодые парни. Много они не разговаривали, но старший все же спросил Кфира, откуда он.

– Из Риги, – ответил тот как обычно. Все они были людьми простоватыми, но реакция на Ригу была удивительна.

– Рига... – протянул сосед с пониманием. – У вас же культура! В очереди люди стоят, никто матом не ругается!

Это была уникальная и неповторимая формулировка, отражающая восхищение культурой Запада.

Глава 11

Приключение в метро

В Москве, как обычно, большая часть времени была потрачена на ожидание встреч с работниками посольства. Соотношение между временем, использованным по делу, и потерянным временем было очень неутешительным. Однако все это забывалось, когда наступало свободное время.

В тот вечер, о котором пойдет речь, Кфир освободился поздно и поехал на очередную встречу с родственниками у Марины, кухни мамы. Он помнил ее, еще с тех пор, когда он был ребенком, а она уже была девушкой, невзрачной и бледной. Когда же они с ней опять встретились, она превратилась в интересную высокую блондинку, очень приятную в общении. Между ними сразу же возникла взаимная симпатия. Ее семья приняла Кфира как своего, и ему было приятно у них находиться.

Вечер прошел приятно и несколько затянулся. Кфир ушел с учетом времени закрытия переходов в московском метро. До метро еще нужно было добираться электричкой или автобусом – последняя станция «Выхино», а затем пересесть на другую линию, чтобы добраться до станции «Каховская» недалеко от гостиницы «Севастополь».

Начало 90-х в Москве было очень беспокойным, как впрочем, и в других городах. Вечерами лучше было не попадать в незнакомые места. Кфира это, однако, не останавливало. Он считал, что его пребывание на «диком Востоке» ограничено по времени, так что следовало воспользоваться им, как можно более эффективно.

Сидевшие наискосок в вагоне метро парень и девушка не привлекали его внимание. Кроме них в вагоне никого не было. Время было где-то около полуночи. Парень что-то говорил девушке, улыбаясь и наклонившись в ее сторону. В какой-то момент во время очередной остановки девушка громко, подчеркнуто на «вы», обратилась к нему: «Ведь это ваша остановка, чего же вы не выходите?!» «Тогда-то Кфир и обратил на них внимание и понял по поведению отодвигающейся девушки, что они не вместе.

Через несколько остановок пришло время выходить, чтобы пересесть на другую линию. Выйдя из вагона и пройдя не более 20 метров, Кфир услышал за спиной женский крик: «Мужчина! Помогите!» Обернувшись, он увидел тех же парня и девушку. Парень, держа правой рукой ее левое запястье, тащил ее за собой. Время было позднее, и кроме них на станции никого не было. К кому была обращена просьба о помощи не вызывало никакого сомнения.

Кфир всегда уважал тех героев романов, которые в опасную минуту были готовы заступиться за женщину. Однако, сам не имея в своей практике ничего подобного, он не представлял, каково оно на самом деле. Увы, он не оказался таким же смелым и решительным, как те герои, на примерах которых он рос и которым пытался подражать.

Стоя в нерешительности и не зная, что предпринять, Кфир смотрел, как высокий, широкоплечий блондин тащит за собой девушку. «Послушайте, что вы делаете?» – сказал он громко, но достаточно дружелюбно. Да, вряд ли почитаемые им герои детства повели бы себя так в подобную минуту. Блондин не прореагировал, продолжая тянуть девушку. Кфиром овладели нерешительность, сомнения и страх. Он знал, что не мог бездействовать, но в то же время не знал, чем все это может кончиться.

Направляясь к блондину наперерез, он в довольно мягкой форме повторил уже ранее произнесенную фразу. Через несколько секунд они стояли лицом к лицу и ощущали дыхание друг друга. Это был серьезный покер. Перед Кфиром стоял мужчина гораздо больше и несколько моложе его. Правой рукой он продолжал удерживать девушку, которая была бледна, как полотно. «Хочешь получить?» – нагло спросил блондин, дыша Кфиру в лицо. «Не пугай!» – ответил Кфир ему в тон.

Это поведение противоречило всем правилам логики и инструкциям, полученным от руководства. Кфиру и его коллегам было строго запрещено вступать в какие-либо конфликтные ситуации. Более того, не находясь от противника на дистанции хотя бы вытянутой руки, его поведение было просто безответственным. Однако была надежда, что противник отступит без боя. Наверное, на это он и рассчитывал, идя на такой риск.

Вот так они и стояли, как два петуха, а в голове молниеносно проносились различные мысли типа: «Если я начну первым, то справлюсь с ним... Если он начнет первым, то не уверен... Было бы очень неловко появиться на следующий день в посольстве с синяком под глазом... А вдруг у него нож?..»

Внезапно откуда-то появились двое мужчин, один молодой, а второй средних лет. Они подошли. Блондин сразу оказался как-то менее уверен в себе и отпустил руку девушки. Она, тем не менее, продолжала стоять как замороженная. Быть может, она была в шоке. «Что вы стоите? Уходите быстрее!» – сказал ей Кфир. Она как будто опомнилась и поспешила прочь.

После этого поспешил убраться и Кфир. Была ли это разыгранная провокация или настоящее происшествие, так и осталось неизвестным. Тем не менее, благодаря этому случаю Кфир пришел к выводу, что он не может себе позволить оказаться вновь в подобной ситуации без какого-либо оружия. Естественно, это противоречило самым четким инструкциям руководства. Однако жизнь показала, что он был прав, но это уже другая история...

Глава 12

Разменная карта

Становилось прохладно. Уезжая, наш герой думал, что приедет в отпуск через пару месяцев. Однако, какой там отпуск, если серьезно относишься к работе. Теплой одежды с собой у него не было. Жан обегал все магазины и практически случайно нашел более или менее подходящее пальто.

Кфир осознавал, что различные дела постоянно будут всплывать, не позволяя оторваться от работы. Нужно было в какой-то момент решиться. Тем не менее, он не мог вот так взять и все бросить. Больше всего мешала ситуация, сложившаяся с двумя основными целями его деятельности: делегацией одесской мэрии и получением общиной здания бывшей синагоги. Инстинктивно Кфир ощущал, что между этими двумя вещами должна была существовать прямая связь, и правильно разыгранная комбинация могла способствовать получению части здания под нужды центра.

Семеновский собирался в Москву сдавать документы на визы, для членов делегации. В то время получить визу занимало много времени, а тем более служебную. После возвращения из предыдущей поездки в Москву, Семеновский вел себя очень уверенно. По-видимому, его беспрепятственный проход в посольство, подготовленный Кфиром, и знакомство с дипломатами показались ему собственной заслугой. Еще бы, политик такого уровня – депутат горсовета. Короче говоря, когда через две недели он поехал за визами, не обратившись до этого к Кфиру, его ожидал сюрприз. Беднягу не пропустили в посольство. Он начал лихорадочно звонить Кфиру. Тогда, как известно, еще не было мобильных телефонов, так что пока он застал Кфира дома, а дома тот находился мало, прошел целый день. Они договорились, что Семеновский позвонит послезавтра. Во время следующего разговора Кфир сообщил ему, что ему нужен еще один день. Когда Семеновский позвонил вновь, Кфир сказал, чтобы он возвращался, им нужно будет обстоятельно поговорить.

Нужно ли объяснять, что вся эта разыгранная комедия была поставлена Кфиром на основе формулы, которую он получил от своего дальнозоркого начальника. Бедняга Семеновский не мог себе позволить не получить виз. Весь его престиж перед коллегами в горсовете основывался на его так называемых связях. Все члены делегации уже не могли дожидаться этой столь желанной поездки. Трудно переоценить престижность ее в начале 90-х.

По возвращении Семеновского Кфир решил сделать ход конем. Естественно, что визит Семеновского не заставил себя ждать. Кфир начал с того, что получение служебной визы вещь чрезвычайно сложная. В качестве примера он привел самого себя, рассказав, как почти два месяца дождался визы. Услышав «два месяца», Семеновский едва не взвыл. Затем Кфир спросил его, как это он не поставил его в известность, что поехал в посольство. Бедняга уже лежал на лопатках. Кфир объяснил ему, что он сам все испортил. Вместо того чтобы попасть на собеседование к «кому надо», он вдруг занялся самодеятельностью. Судя по выражению его лица, тот уже не был на лопатках, он был на коленях. Да, это был тот момент: «сейчас или никогда».

Помолчав некоторое время, Кфир сказал, что знает к кому нужно обратиться, однако ему кое-что понадобится. Судя по выражению лица Семеновского, он понял: «Все что угодно». Сопровождая свои слова глубокими вздохами и задумчивыми паузами, Кфир объяснил Семеновскому: чтобы рекомендовать его высокопоставленному лицу, недостаточно того, что он член горсовета. Необходимо показать, что он – очень полезный человек. Было бы желательно, чтобы в списке его заслуг значилось что-либо серьезное, вроде существенной помощи в получении здания, например. В общем, они друг друга поняли. Примерно через неделю у Кфира

была ориентировочная дата передачи здания. Однако виз еще не было, и эта информация была устно предоставлена только ему.

По-видимому, наступило время сделать так, чтобы Фельдштейн, наконец, обратил внимание на Кфира. Он застал Фельдштейна, как и ожидал, на следующий вечер у Шая. Дождавшись подходящего момента, очень уверенным жестом показал ему, чтобы тот вышел с ним на улицу. Для этого надменного великана, который не вымолвил в адрес Кфира более двух слов, такое поведение со стороны Кфира было неожиданным. Может быть, потому он беспрекословно повиновался.

Погода стояла приятная. Прохожих почти не было, все это играло на руку.

– Что со зданием? – спросил Кфир.

– Да вот тянут, не знаю, что сказать, – ответил несколько удивленный Фельдштейн.

– Здание может быть твоим уже до конца месяца. Это конечно, если мы с тобой договоримся.

Фельдштейн с изумлением посмотрел на Кфира.

– Мне нужно, чтобы мой центр находился в здании общины. Ты от этого только выиграешь.

– Я тебя внимательно слушаю, – ответил Фельдштейн с удивлением на лице.

Кфиру пришлось в весьма своеобразной форме объяснить свою роль в завязывании отношений между Одессой и Хайфой, а также отметить, какое влияние он приобрел, благодаря этой роли. Кроме того, он подчеркнул преимущества, которые сопровождали всю комбинацию.

– Во-первых, здание общины будет гораздо более престижным, если в нем будет находиться Израильский центр. Во-вторых, посещаемость и популярность, благодаря нашей деятельности, будут совсем на другом уровне. В-третьих, мы, в отличие от других организаций, будем покрывать пропорциональную часть расходов по содержанию, не говоря об аренде.

Кфир отлично понимал то, о чем говорил, и делал это неспроста. Община давно неформально поделила неполученное здание между своими различными организациями. Прекрасно осознавая, в какую дилемму он вгонял Фельдштейна, Кфир должен был быть убедителен в преимуществах, содержащихся в своем предложении.

– Что ты конкретно хочешь? – спросил Фельдштейн. Кфир не ожидал услышать такой прямой вопрос после пяти минут разговора, однако, не подавая виду, ответил:

– Половину первого этажа, – сказал он, сам удивляясь своей наглости.

Да, это была наглость, потому что он говорил о двадцати пяти процентах здания, где планировалось расположить хор, балет и еще что-то. Он же предлагал библиотеку и компьютерный класс, как часть центра. Конечно, с таким предложением трудно было тягаться. Кфир не знал, что подумал Фельдштейн и как собирался договариваться с хором и балетом, когда спросил:

– А на ремонт тоже дадите четверть?

– Да, дадим! Так что по рукам?

– По рукам, – ответил он, и они пожали руки.

С тех пор их отношения стали улучшаться, хотя никогда так и не переросли в дружеские.

Нельзя сказать, чтобы получение здания было заслугой Кфира. Здание было бы получено раньше или позже и без его вмешательства. Однако, при наличии имеющейся у него информации, он сумел представить свою роль гораздо более существенной, чем это было на самом деле. Это был удивительный успех, но еще больше Кфир удивил самого себя. Он становился интриганом.

Глава 13

Усталость

Может быть, его деятельность становилась слишком активной, может быть, он слегка наступил на мозоль той влиятельной организации, которой не без его стараний пришлось освободить здание бывшей синагоги. В любом случае, он никогда не сомневался, что постоянно находился в поле зрения их «всевидящего глаза», а телефон всегда был под контролем их «всеслышащих ушей», как об этом уже давно и много было написано. Однако до сих пор Кфир не ощущал их присутствие возле себя. После так называемого успеха, положение изменилось. По-видимому, ему пытались что-то дать понять. Может быть, таким образом, ему намекали, что нужно снизить активность или предупредили.

Если исходить из того, что говорил «беглый» генерал КГБ Олег Калугин, их всех, и в первую очередь представителей культуры, считали агентами разведывательных органов. По-видимому, именно из-за неясности положения в стране к ним применялись умеренные методы воздействия, заключающиеся в основном в запугивании, и это, естественно, кроме традиционного контроля и наблюдения.

Кфир, как человек, которому не приходилось проходить подготовку по обнаружению «наружки», обычно не ощущал ее, и благодаря этому вел себя как нельзя более естественно. Бывали, правда, случаи, когда он чувствовал чей-то постоянный визуальный контакт, а иногда ему даже казалось, что он засекал кого-то в толпе. Вряд ли это были нелепые ошибки профессионалов, скорее – попытки воздействия на психологический баланс объекта.

Если считать вышеизложенный анализ правильным и принять во внимание, что все это никоим образом не повлияло на функционирование Кфира, логично предположить, что последующий этап подразумевал меры несколько более существенные. Об этом свидетельствует хронология событий, но версия остается гипотетической.

В какой-то момент Кфиру стали регулярно звонить в дверь между 3 и 4 утра. Естественно, не каждую ночь и обычно не подряд, но достаточно часто. Звонки были длинными, настойчивыми, но быстро прекращались, всегда до того, как он успевал дойти до двери, чтобы посмотреть в глазок.

Эти звонки в какой-то мере начали влиять на его душевное состояние. Они продолжались некоторое время, и Кфир решил в этом деле разобраться. Ему нужна была ясность, чтобы в какой-то мере заглушить не покидавшее его беспокойство, а может и страх. И так он несколько ночей вставал в 3 утра и просиживал у двери примерно до 4-х. Звонков больше не было!

Какие факторы привели к прекращению звонков, остается непонятным. Во всяком случае, звонки прекратились так же неожиданно, как и начались.

Однажды, выходя со двора своего дома на улицу, которая была односторонней (Краснофлотский или по старому-новому Воронцовский переулок), Кфир увидел прямо перед собой «Москвич» с включенным мотором, в котором сидели двое: за рулем мужчина, а рядом женщина-блондинка. Она сидела с той стороны, с которой выходил Кфир. Он был с Ланой. Дальнейшее обсуждение того, что произошло, показало, что их впечатления были схожи.

Кудрявая блондинка с недлинными волосами, сидевшая в машине, не привлекла бы к себе внимания, если бы не то, что произошло дальше. Выйдя со двора со своей знакомой, Кфир практически подошел к машине, припаркованной у тротуара, в которой та сидела. Мотор машины продолжал работать. Они свернули налево к площади, то есть против движения транспорта. Одновременно с этим и на той же скорости машина дала задний ход и поехала параллельно с Кфиром. Блондинка медленно, как бы подчеркнуто, повернула к нему голову и посмотрела на него холодным и, пожалуй, несколько насмешливым взглядом. Что-то страшное, обдающее ледяной водой было в этом взгляде. Что-то удивительно неестественное было

в ее облике. У Кфира заняло несколько секунд прийти в себя и понять, в чем дело. К этому моменту шофер, попутчик блондинки, нажал на газ и, промчавшись 50–60 метров задним ходом, самым профессиональным образом скрылся из вида.

Кфир стоял ошарашенный. Блондинка была переодетым мужчиной в парике. Об этом свидетельствовали и черты лица, и поворот шеи, и странно застывшая улыбка, и взгляд. Было также понятно, что она, или он, хотел или хотела обратить на себя внимание. На этот раз страх прошиб нашего героя основательно, и какая-то дрожь прошла внутри с головы до ног.

Он продолжал свою работу как обычно, хотя и стал более осторожным и, естественно, более напряженным.

Через некоторое время Кфиру пришлось возвращаться домой, то есть к себе на квартиру, где-то под утро. Это случалось довольно часто по разным причинам. Время было то самое «традиционное», где-то между 3 и 4 часами утра, хотя на сей раз момент происшествия определялся появлением Кфира.

Свернув с Екатерининской на Воронцовский переулок, или если угодно с Карла Маркса на Краснофлотский и, пройдя уже знакомые нам 50–60 метров, он свернул во двор. Нужно отметить, что ночь была удивительно темная, по-видимому, было облачно, так что не было видно ни единой звездочки. Освещение города в начале 90-х не особенно отличалось от освещения деревень черной Африки в период средневековья.

Итак, свернув направо к себе во двор, ему нужно было где-то посередине двора повернуть еще раз направо в парадное. С обеих сторон двери над окнами подвала были небольшие навесы. Когда до парадного оставалось метров 5–6, слева внезапно вспыхнула зажигалка. Человек, стоявший опершись о навес у ближайшего окна подвала слева от парадного, закурил, хладнокровно поглядывая на Кфира.

Кфир испугался не на шутку. И от неожиданности, и от того, что кто-то мог ожидать его на лестнице. Тем не менее, не подав вида и не меняя шага, он вошел в парадное в состоянии «полной боевой готовности». К счастью, как и в предыдущих случаях, ничего за этим происшествием не последовало.

Что это было? Случайность или запланированная игра, чтобы вывести его из себя, а заодно решить вопрос занятости органов – тема, которая в то время была очень актуальна. Ответа на этот вопрос он так и не получил, однако, эти события хорошо запомнились Кфиру и добавили ему седых волос.

Глава 14

Забастовка

Соглашение с Фельдштейном оставалось устным и было скреплено рукопожатием. Отсутствие какого-либо юридического документа, подтверждающего договор на данном этапе, не очень беспокоило Кфира. Он не сомневался, что Фельдштейн не будет играть с ним и теми, кого Кфир представлял. С другой стороны, Кфир обещал ему задаток на расходы по ремонту здания, которое вот-вот должно было быть передано общине. Обещания, данные Фельдштейну, основывались на понимании, к которому Кфир пришел со своим руководством. Таким образом, все, что он обещал, должно было быть поддержано – на сей раз не теоретически, а материально. С другой стороны, какие-либо проволочки в предоставлении Фельдштейну обещанного задатка могли привести к разрыву устного соглашения. Нужно было срочно выезжать в Москву за обещанным авансом.

В Москве в ожидании встречи с главным Кфир занимался своими рутинными делами. Когда он, наконец, попал к главному, тот очень спешил и, выслушав Кфира, ответил, что должен все согласовать с Тель-Авивом. Такой ответ был, по меньшей мере, удивительным. Однако учитывая вездесущую бюрократию, он без особых пререканий согласился вернуться на следующий день.

Валя Майорова, москвичка, работавшая в посольстве и отвечавшая за логистику, устроила Кфиру билет в театр, и он решил не утруждать себя лишними мыслями, а приятно провести вечер.

Московские театры – это особая тема. У Кфира с Валею возникла взаимная симпатия после того, как она однажды обеспечила его посольским транспортом. С тех пор в каждый свой приезд он обязательно ходил в театр. Кфир всегда обращался к Вале по вопросам, связанным с «культурной программой». Она же не переставала удивлять своей постоянной осведомленностью в театральной жизни столицы.

На следующий день Кфир вернулся в посольство на встречу с главным. Настроение после вчерашнего спектакля и последующего спокойного сна в гостинице было великолепным. Он ощущал себя в отпуске, во всяком случае, чуть ли не туристом, лишь слегка обремененным какими-то мелкими формальностями. Однако даже эти формальности исходили из успеха, который было трудно недооценить. В таком настроении он появился в приемной главного. Через некоторое время тот вошел и, увидев Кфира, сказал, что у него еще нет ответа, но он его сообщит, как только получит, так что пока можно возвращаться в Одессу. Кфир объяснил, что возвращаться без обещанного задатка просто не может, что нарушение соглашения с его стороны развяжет руки его оппонентам и все достигнутое будет потеряно. Было решено подождать до завтра.

Вечером он опять был в театре, однако, несмотря на очередную ночь в гостинице и хороший завтрак, его вновь начинали одолевать сомнения в отношении обещаний руководства. Трудно было представить, что после столь искусно проведенной партии, весь успех может рухнуть из-за какого-то тель-авивского бюрократа, который не имеет понятия, чего стоил успех и каким зыбким был фундамент, на котором он основывался.

В таком настроении Кфир вновь появился в приемной главного и попросил сообщить ему о своем приходе. Пришлось подождать где-то с полчаса, пока секретарша, положив трубку, сказала, что главный готов его принять. С первого взгляда Кфир почувствовал неладное. Главный попытался подавить его своим авторитетом, сказав, что вечером он возвращается в Одессу, а решение будет сообщено по факту его поступления. Он закончил говорить, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена. Это взбесило Кфира, однако ничего кроме голоса не выдавало его волнения. Слишком спокойным и лишь чрезмерно сдержанным голосом, как и был,

стоя, он ответил, что это бесцеремонное нарушение обещаний рушит результаты полугодовой работы и успех, на который было так мало реальных шансов. В заключении он добавил ледяным тоном, что без денег в Одессу не вернется. Главный понял, что это серьезно, и, вздохнув, сказал, чтобы Кфир зашел на следующий день.

Естественно, вечер Кфир вновь провел в театре. Бессчетное количество раз он продолжал проигрывать сцену, произошедшую в кабинете у главного, и все глубже убеждался, что хоть и поступил очень неординарно, но, наверное, все же правильно. Ночью не спалось. На следующий день он просидел несколько часов в приемной, и секретарь передала, что главный просил его вновь вернуться завтра. Кфир понимал, что если бы его поступок вызвал заслуженный гнев начальства, с ним бы так не церемонились. Поэтому в тот вечер спектакль понравился ему больше, а ночью спалось лучше.

На этот раз он почти не задержался в приемной, так как был приглашен в кабинет сразу же, как секретарь сообщила о его приходе. Главный показался приветливее, чем в предыдущие дни, так что у Кфира по наивности стала зарождаться надежда. Однако тот почти сразу предложил еще сегодня вернуться в Одессу, с тем, чтобы деньги передать потом с оказией. Кфир почувствовал, как у него изменилось выражение лица. Четко и холодно он повторил, что создавшаяся ситуация не позволяет ему вернуться без денег, поэтому он не станет этого делать. Стоит ли говорить, что вечер он вновь провел в театре. Он был уверен, что поступал правильно, и чувствовал, что начинает входить во вкус.

В субботу он целый день провел с коллегами в городе. Вечером они были в театре. На следующий день в приемной секретарь по секрету сообщила Кфиру, что в Тель-Авиве проходит совещание, на котором будет обсуждаться и его вопрос. Через пару часов главный сообщил, что все в порядке, а еще через несколько часов Кфир уже сидел в поезде на Одессу с обещанным задатком для Фельдштейна. Он очень надеялся, что вся эта история не слишком затянется. До него дошли слухи, что Фельдштейн искал его, и это очень беспокоило. После столь интенсивной недели, увенчавшейся успехом в борьбе с бюрократией, было достаточно приятно расслабиться в поезде. Учитывая то, что к тому времени он научился находить подход к проводникам, и к нему больше не пытались подсаживать пассажиров. Сказывался приобретенный опыт использования удобренных, а точнее взяток. И так, ему никто не мешал. Его беспокоили мысли. Они беспорядочно всплывали под стук колес.

Нужно было собираться в отпуск. Если с Фельдштейном ситуация пока не изменилась из-за его отсутствия, то тему здания и помещения под центр можно было считать вопросом времени, то есть все зависело только от ремонта. Делегация Одесской мэрии должна была вскоре уехать в Израиль, что подталкивало и Кфира к отъезду домой. Нужно было использовать время пребывания делегации в Израиле. Получалось, что все поставленные цели были достигнуты, и ничего вроде бы не должно было больше его задерживать. Однако ему не хотелось уезжать. Он постепенно начал осознавать, что никогда не занимался чем-либо более интересным. В нем открылись качества, о существовании которых он даже не подозревал. Первый раз после учебы в университете он был доволен собой. Он вновь познавал вкус успеха, и его не очень беспокоило, сможет ли его руководство оценить по достоинству эти достижения. Кфир отлично отдавал себе отчет, что преуспел, несмотря на отсутствие ресурсов и мизерные шансы на успех. Вряд ли кто-либо мог ожидать таких результатов. Кроме того, он полюбил Одессу. Не хотелось расставаться и с Ланой. Странно получалось. Когда он успешно пришел ко всем назначенным целям, преодолев все трудности, он не был удовлетворен создавшейся ситуацией. Кроме того, его беспокоила мысль, что руководство после отпуска решит направить его в другое место.

Приехав в Одессу, Кфир в первую очередь связался с Фельдштейном. Он как-то объяснил свое столь длительное и молчаливое отсутствие, однако достигнутая цель оправдывала средства. Встретившись, Кфир передал ему обещанный задаток, а Фельдштейн торжественным

жестом продемонстрировал ему ключи от здания и предложил его показать. Да, это был значительный и эмоциональный момент.

Они, конечно, поехали смотреть здание, которое было в ужасном состоянии. Осторожно обходя все углы и закоулки, они обсуждали общие планы по приведению здания в рабочее состояние и связанные с этим нужды.

На следующий день за обедом с Семеновским Кфир узнал точную дату отъезда делегации. Через две недели они должны были прилететь в Тель-Авив. После обеда Кфир направился брать билет на Москву. Пора было уезжать. Примерно через неделю на вокзале его провожали самые близкие друзья и помощники, а также Лана и Анна.

Часть вторая Приднестровье

Глава 1 В отпуске

На пути домой Кфира одолевали смешанные чувства. В то время еще не было прямых рейсов из Одессы, нужно было лететь через Москву. Кфир не знал, останется ли он на этой работе, а если останется, вернется ли в Одессу. С другой стороны, приятно было подумать о возвращении домой после шести месяцев отсутствия. Увидеть своих, узнать новости, привести дела в порядок, поспать в своей постели.

В Москве, окончательно отчитавшись о проделанной работе и сдав рабочий инвентарь, которым пользовался, он почувствовал себя свободным. Начальник демонстративно сложил все в один пакет и, положив его в шкаф в своем кабинете, сказал: «Это будет тебя ждать!» Было приятно это услышать, но он ничего не ответил.

Самолет на Тель-Авив улетал в два часа ночи. Кфира подбросили в аэропорт около одиннадцати. Весь процесс регистрации на рейс, таможня и паспортный контроль были очень утомительными. Советский контроль, хотя уже и несколько ослабленный, в сочетании с печально известным ненавязчивым сервисом, выражался в традиционных, огромных, медленно движущихся очередях. Когда все было пройдено, почти сразу же началась посадка на рейс.

Пассажира, у которого было место между местом Кфира у прохода и местом у окна, внес в салон массу сумок, пакетов и ящик с отверстиями. Как оказалось, это был репатриант. Распихав кое-как свой багаж, включая то, что он собирался держать на коленях, он обратился ко Кфиру с просьбой взять на колени его ящик. В ящике была небольшая собака. Естественно он согласился и, усмехнувшись про себя, вспомнил рейс из Николаева в Москву.

В Тель-Авиве для него была заказана неплохая гостиница. Обычно для сотрудников такое не практиковалось, но в его случае, как для жителя Эйлата, сделали исключение. Проспав несколько часов и приняв душ, он спустился на завтрак. После этого позвонил в контору и договорился о встречах на следующий день. Затем Кфир поехал навестить маму в один из близлежащих городов. Конечно, он мог остановиться у нее, но отношения с ее мужем делали пребывание в гостинице более предпочтительным. Трудно описать мамин восторг. Конечно, она знала о его приезде, ждала и готовилась, однако все равно эмоциям не было границ. Его, конечно, критиковали за то, что он остановился в гостинице, но Кфир мотивировал это тем, что в связи с работой жить там гораздо удобнее, что, в общем-то, в определенной степени было правдой. За обедом он рассказывал о том, что происходит «там», в стране исхода. Была масса вопросов, на которые он с удовольствием отвечал, пытаясь описывать увиденное как можно более красочно и образно. Наверное, Кфир получал от этого не меньшее удовольствие, чем его аудитория, которая к вечеру пополнилась несколькими друзьями. На следующее утро, после завтрака он, не спеша, направился в контору. Первая встреча была назначена на 10 утра, и Кфир получал огромное удовольствие от неторопливой прогулки по утреннему Тель-Авиву. У него было странное чувство, как у туриста, которому все нравится. Такое чувство у него часто бывало, когда он ездил по разным странам. По возвращении из предыдущих поездок он всегда с сожалением обращал внимание на то, что было хуже, чем на Западе. Сейчас же, вернувшись с Востока, ему все нравилось, и это было удивительно приятно. Оказалось, что в Израиле чисто, ухоженно, красиво и благоустроено, как и должно быть в развитой стране.

В конторе Кфир ощутил по отношению к себе нечто среднее между интересом и равнодушием. У него были назначены встречи со всеми, к кому он имел какое-либо отношение, от мала до велика. Часто приходилось повторяться, что утомляло. В конце дня он получил расписание на следующий день. В течение всего дня он не услышал ни единого намека на критику по отношению к тем нюансам работы, которые, по его мнению, могли быть проблематичными. По-видимому, положение было стабильнее, чем он ожидал. Это придавало уверенности.

Вечер Кфир провел у мамы, а после ужина вернулся в гостиницу, где, наконец, отоспался.

На следующий день в конторе Кфиру сообщили, что через пару дней Одесская делегация будет в Израиле. Они приезжали раньше, чем он ожидал, что влияло на его планы, касающиеся поездки домой в Эйлат. В связи с этим весь график работы менялся и становился гораздо более интенсивным. Это был утомительный день, и, освободившись поздно вечером, Кфиру уже ничего не оставалось кроме гостиницы и сна.

После приезда делегации на представленной в его распоряжение машине он поехал в Хайфу навестить своего друга Семеновского. Делегация остановилась в шикарной гостинице на горе Кармель с великолепным видом на Хайфский залив.

Кфир приехал рано, с тем, чтобы за завтраком обсудить с Семеновским планы. Они договорились, что на следующий день после обеда Кфир заедет за ним, чтобы покатать по Тель-Авиву, а затем за ужином познакомить с некоторыми сотрудниками, с которыми тот так жаждал контакта.

На следующий день они очень приятно погуляли по Тель-Авиву и Яффо. Попили кофе в лобби Хилтона. Затем, желая продемонстрировать свободу доступа к любому номеру в гостинице, они подошли по выбору Семеновского к какой-то комнате. Эта маленькая шалость была реакцией на жесточайший контроль над гостиницами в СНГ, на Украине и в Одессе в частности. Посторонним не давали зайти в гостиницу, даже если у них там останавливались знакомые. Можно было зайти в сопровождении гостя после получения соответствующего пропуска в администрации, оставив в залог какой-то документ.

Ужинали с коллегами Кфира в кошерном китайском ресторане. Ужин затянулся. Было сказано очень много интересного, и никто никуда не спешил. Поздно ночью Кфир отвез гостя в Хайфу.

На следующий день они обедали в хайфской гостинице со всей делегацией по приглашению Семеновского. По-видимому, он уже успел рассказать своим коллегам о вчерашнем ужине с коллегами Кфира. Это ощущалось в их взглядах и осторожных улыбках, адресованных Кфиру, и по какой-то несколько предупредительной едва заметной церемонности. После вышеописанного ужина Кфир также почувствовал какую-то перемену в отношении к себе со стороны руководства. Перед отъездом домой, в Эйлат у Кфира была встреча в отделе кадров. Там, подсчитав рабочие дни, ему сообщили, сколько дней отпуска ему полагается, но при этом подчеркнули, что было бы очень желательно, если бы он смог вернуться в Одессу раньше. Он был невероятно рад это услышать, но не подал виду. В ответ лишь сказал, что если речь идет о тех условиях, на которых он работал, то об этом не может быть и речи. Дело в том, что кроме многих других привилегий, которыми пользовались московские коллеги, их командировочные, а это было существенной статьей дохода, были процентов на тридцать выше, чем у тех, кто не работал в посольстве. Это был очередной бунт. Сказывался приобретенный опыт и неизвестно откуда взявшееся, где-то до сих пор дремавшее нахальство.

В конце дня ему передали, что его старый знакомый с проницательным взглядом ждет Кфира в знакомом ему кабинете. «Так ты не хочешь возвращаться?» – сходу спросил он, как только Кфир переступил порог. «Я этого не говорил» – ответил он. Затем последовало длинное и нудное, но хорошо обоснованное сравнение условий работы московских коллег и таких «бездомных» сотрудников, как Кфир. В результате он четко и ясно показал, насколько легче

и безопаснее работа московских коллег, притом, что их заработок существенно выше. Все это время его собеседник внимательно слушал, не проронив ни слова. Когда Кфир замолчал, он как всегда внимательно, сверля глазами, ответил: «Твои требования логичны. Однако, как известно, не всегда то, что логично – правильно. Я передам их на обсуждение в комиссию, которая решает эти вопросы. Она как раз вскоре будет заседать. А пока езжай домой, отдыхай, а мы с тобой свяжемся». На следующий день Кфир уехал в Эйлат.

В Эйлате было прекрасно вновь окунуться в ту спокойную, обывательскую среду, от которой он отвык. Непринужденная атмосфера, с обычными человеческими отношениями, теперь представлялась какой-то наивной, но помогла снять напряжение, сопровождавшее Кфира последние полгода. Он был рад встретиться с друзьями, коллегами и естественно с дядей. Без всяких церемоний, тот сразу же ввел его в рабочее расписание, чему Кфир был искренне рад. Конечно, с дядей пришлось объясниться, ведь он уезжал на три месяца, а вернулся через шесть, и то всего лишь в отпуск. Он знал, что в какой-то мере разочаровывал его, тем более что туризм восстановился, и работа шла полным ходом. Однако дядя понимал этот «зов сердца». Он ведь сам был романтик и любитель приключений. Прервав неловкие попытки Кфира объяснить положение вещей, дядя, как всегда в своей скромной манере, с улыбкой, но серьезно сказал, что Кфир всегда сможет вернуться к нему на работу, если захочет.

Глава 2

Первое плавание

Пара недель в Эйлате прошли очень быстро и, несмотря на работу, оставили ощущение экзотического отдыха. Примерно за неделю до конца отпуска Кфир вернулся в Тель-Авив. На сей раз он остановился у мамы.

Требования, касающиеся финансов, были полностью удовлетворены. Однако эти условия не распространялись на тех коллег, которые о них не знали. Кфир понимал, что в отделе кадров были недовольны его достаточно агрессивной инициативой. Поэтому там пытались оградить ее от лишнего распространения. Тем не менее, Кфир не делал из этого тайны. Напротив, его естественное чувство справедливости не давало начальству вести такую политику, благодаря чему все коллеги его статуса в конечном итоге были приравнены в условиях трудоустройства к посольским деятелям. Это не способствовало росту популярности Кфира в отделе кадров, начальница которого и так в достаточно открытой форме выражала ему свою неприязнь.

В конторе Кфиру стало известно о пробном морском рейсе для репатриантов из Одессы в Хайфу, организованном какой-то христианско-сионистской организацией. Оказалось, что один из тель-авивских коллег находится на судне в качестве наблюдателя. Было запланировано три пробных рейса. Кфир выразил желание принять участие в следующем рейсе, мотивируя это тем, что находясь в Одессе, должен быть в курсе всего этого предприятия. На следующий день ему сообщили, что начальство положительно отнеслось к этому предложению.

Судно должно было прийти через несколько дней, что, в общем-то, продлевало отпуск. Однако совесть Кфира была чиста. Он пропустил свой отпуск три месяца назад, так что это была своего рода случайная маленькая компенсация. Эти несколько дней в Тель-Авиве он провел частично в конторе, частично занимаясь своими делами.

Убедившись в намерениях руководства продлить его работу в Одессе, он начал серьезно готовиться к грядущей поездке. Приобретённый опыт подсказывал, чем было необходимо запастись. Не забыл он и о происшествии в метро, в связи с чем приобрел баллончик с газом для самозащиты, вопреки чётким инструкциям начальства.

Конечно, это резко противоречило политике ведомства, в интересах которого необходимо было избегать или хотя бы сглаживать по мере возможности любую конфликтную ситуацию. Наличие же такого средства защиты как газовый баллончик, являющегося одним из видов оружия, могло лишь усугубить любой потенциальный конфликт. Политика же Кфира, исходящая из личного опыта, основывалась на желании выжить.

Посадка на судно проходила в вечерние часы. Погода в Хайфском порту не предвещала ничего хорошего. Они отплыли, когда уже было очень поздно, но спать не хотелось. Все вышли на палубу смотреть на огни ночной Хайфы. Это было впечатляющее, но и почему-то несколько грустное зрелище. Дом опять удалялся. Интересно, что ни на каком другом транспорте, как на судне, это так не ощущается. По-видимому, дело в долгом прощании, в замедленном визуальном эффекте...

На судне из пассажиров на Одессу были лишь представители различных ведомств и министерств, а также иностранцы из организации, фрахтовавшей судно. Среди прочих были и три русскоговорящих врача из министерства здравоохранения. Кфир и его коллега сразу же с ними подружились и почти все свободное время проводили вместе. Судно было небольшое, на 350 мест. Первая ночь была довольно тяжелой, Кфир вспомнил старые добрые времена, когда был прикреплен на короткое время к ВМФ, как представитель своей части. Качало, в общем-то, терпимо.

Каюты врачей были рядом. По вечерам они собирались, проводя время в лучших советских традициях. Непонятно, откуда появилось спиртное. По-видимому, оно было предусмотрено заготовлено. Какой же русский не любит быстрой езды. Даже если вместо быстрой езды всего лишь степенное плавание, и даже если этот русский – еврей.

В Пирее, в ожидании заправки, простояли целый день. В подзорную трубу был четко виден Акрополь. Самой же живописной страницей рейса было плавание по Эгейскому морю. Небольшие красочные островки с яркими деревушками у берегов и зелеными лугами выглядели как на рекламе туристических фирм. В Мраморное море вошли вечером, а ночью проходили Босфор. Стамбул, раскинувшийся по обе стороны пролива, европейской и азиатской, в ночное время с очень искусной подсветкой, произвел удивительно яркое впечатление.

Черное море было менее спокойным, но все же они прошли его без особых приключений. На пятый день плавания в утренние часы судно вошло в пассажирский порт Одессы или, как его там называют, морвокзал. Кфир был единственный пассажир с визой, благодаря чему смог беспрепятственно сойти на берег. Оставив своего коллегу заниматься формальностями, связанными с посадкой репатриантов на борт, он отправился проверить то, что оставил несколько недель назад.

В гостинице «Лондонская», на первой остановке, его ожидал сюрприз. Оказалось, что это был день перехода Украины с русского рубля на украинский купон (гривна появилась позже). Это был канун нового 1992 года. Позвонив из гостиницы Жану, он договорился с ним о встрече. Таксисты не хотели его брать, так как не знали цен в новой валюте. По-видимому, то же самое было и с магазинами, так как большинство из них просто закрылись. Пришлось идти пешком. Кфир рассчитывал взять такси на несколько часов, чтобы успеть как можно больше. По совету Жана, он обратился к Саше с просьбой одолжить машину с шофером на полдня. Саша был рад его внезапному появлению и согласился с условием, что до отплытия они увидятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.